Северянин

Автор:
Игорь Ковальчук

Северянин

Игорь Ковальчук

Молодой сподвижник Рольфа, первого герцога Нормандского, викинг по имени Агнар неосторожно позволяет увлечь себя в Страну Альвов. Он позабыл о том, что нельзя принимать ни гостеприимства альвов, ни их пищи и питья, ни любви их женщин. Слишком поздно он понял, что в свое родное время ему не вернуться. Вырвавшись из волшебной страны, викинг оказывается в мире древних кельтов, за много столетий до Рождества Христова. Здесь, под гнетом местных законов и традиций, ему предстоит проложить свой путь. Долго ли смогут даже сильнейшие из друидов держать в плену вольнолюбивого северянина?..

Игорь Ковальчук

Северянин

Глава 1

На наковальню легла черная от копоти полоса металла с алеющим концом. Кузнец несколько раз прошелся молотком по нагретому пламенем краю, бросил инструмент на теплый земляной пол и взялся за другой молот, потяжелее. Этим, широким, на длинной и очень удобной рукояти, он бил уже с размаху, от плеча, со всей своей немалой силой, выглаживая заготовку там, где отметил предыдущим инструментом. Закончив, вернул полосу в горн.

– Эй! – окликнул он. – Качай!

Заработали меха. Кузница была маленькая, и воздуходувное приспособление для удобства расположили за тонкими плетеными стенами строения, направив длинное глиняное сопло прямо в сердце горна. Теперь помощнику, гнавшему воздух в огонь, не было нужды излишне потеть – он работал на ветерке, в стороне от печного зева, заодно оставляя простор кузнецу. Пламя, питаемое прохладным ароматным потоком, взревело, вцепилось и в дерево, и в почерневший от копоти будущий клинок.

Кузнец выглядел очень молодо, даже несмотря на короткие, недавно начавшие свою жизнь бородку и усы. Местные жители, обитатели предместий Руана, сказали бы, что ему не меньше двадцати, и он уже зрелый мужчина. А соотечественники умельца, которые хотя еще и считались здесь чужаками, однако уже сделали Руан и множество других городов в окрестностях своей вотчиной, предположили бы, что ему не больше двадцати пяти, и у него еще все впереди.

На самом деле молодому скандинаву, уроженцу Согнефьорда, недавно исполнилось девятнадцать. У него были широкие плечи и ярко-синие глаза, похожие на два осколка южного неба. Не слишком высокий по меркам соотечественников, он, однако, без труда мог коснуться рукой потолка жилого дома, и среди руанских крестьян казался рослым. Но возможно, так было еще и потому, что руанцы при виде северянина сразу горбились и прятали глаза, в глубине которых жила выработанная за много лет ненависть. Они еще не привыкли к новой власти, а также к тому, что, обосновавшись на землях Нейстрии, норманны начали вести себя как рачительные хозяева, а не как бандиты с большой дороги.

Кузнец закончил работу, осмотрел заготовку и сунул ее обратно в горн, в самую середину, – туда, где, глухо гудя и ворча, ерзал самый сильный, самый густой огонь, щедро накормленный сосновыми полешками.

– Эй, качай сильнее! – крикнул он.

Пламя загудело зло и радостно, и вскоре вся заготовка целиком приобрела странный, черно-багряный оттенок, едва заметный под окалиной. Прихватив ее клещами, северянин швырнул будущий меч на наковальню, вместо молота взял

гладилку с отлично отшлифованной нижней частью и за полчаса довел заготовку до нужного состояния, в котором ее уже можно было закаливать.

– Эй! – прекратив качать мех, крикнул парнишка, помогавший кузнецу в работе. – Здесь конунг!

– Ну, что ж делать, – пробормотал парень, вынося заготовку из кузницы под навес, к большой лохани, где на поверхности воды плавал густой слой топленого масла. – Подождет.

Кузница располагалась поодаль от селения, на берегу реки, там, где ветер был особенно силен и пронзителен. Одна и та же наклонная широкая крыша прикрывала и легкую постройку из плетеных лозовых щитов с дверными проемами без дверей, где кузнец скрывался от слишком сильного ветра, дождя или снега, а также хранил те инструменты, которые нелегко было всякий раз носить с собой в дом, а также большой участок двора. Именно здесь располагались большие меха, сделанные из снятой «чулком» шкуры молодого бычка, лохань, в которой остужали заготовки, большой плоский валун, на котором мастер выполнял часть работ, требующих простора для размаха, и многое другое. Валландские кузницы нередко вообще были лишены стен, для защиты от дождя и снега ставили навес, этим и ограничивались. Но северянин любил комфорт.

От кузницы в селение, к большому господскому дому вела тропинка, широкая, будто дорога, выглаженная множеством ног. По ней, задумчиво разглядывая камушки и кочки, спускался крупный серый жеребец с длинной роскошной гривой. Остановился у навеса, и с седла спрыгнул очень высокий, широкоплечий мужчина в хорошей крашеной одежде и удобных сапогах. Подросток-подмастерье перехватил красивый шитый повод и, глядя на коня с восхищением. – великолепное, сильное и молодое животное действительно заслуживало внимания и восторгов, – потянул его за собой, туда, где под навесом лежала охапка свежего сена, приготовленная вообще-то для постели, но пока еще годная и в пищу коню.

Гость внимательно посмотрел на кузнеца, медленно опускавшего заготовку в лохань, потом подошел поближе. Тот не спешил поворачиваться к прибывшему лицом.

– Приветствую, Агнар, – сказал посетитель спине, обтянутой грязной влажной рубахой. – Вижу, ты занят.

– Я ждал тебя позже, конунг, – медленно проговорил кузнец, после чего вынул изделие из лохани и внимательно осмотрел. Было заметно, что темный от копоти металл отливает синевой.

Правитель слегка ухмыльнулся.

– Да я не тороплю. Я и сам, пожалуй, не прочь помахать ручником.

– Тогда ты приехал поздно, – Агнар повернулся к плоскому валуну и положил на него будущий клинок. – Я уже закончил.

Конунг осмотрел изделие, поднял его, еще горячее и влажное, скользкое от масла, пощелкал пальцем. В густой русой бороде, под пышными усами зазмеилась довольная улыбка, заскорузлая темная ладонь ласково поладила металл. Он знал толк в оружии, ценил и любил его, и даже в заготовке, еще пока не отшлифованной, не отглаженной, лишенной обмотки на рукояти, видел красоту нового клинка.

– Хорош, – проговорил он, возвращая будущий меч мастеру. – Для кого делаешь?

– Для Орма, сына Оспака.

– Ага…

– Твой меч ждет тебя в моем доме, конунг. Я его здесь не держу, слишком он дорогой.

– Еще бы. Но я искал не только меч, но и тебя.

– Я уже освободился, – Агнар тщательно вытер руки полосой старой мягкой холстины, а потом протянул ее гостю. – Идем, конунг. Думаю, о том, что ты здесь, уже известно, и моя рабыня готова подать нам на стол охлажденный эль и свежий хлеб. Они сегодня пекли, я знаю.

– С удовольствием.

Не сказать, чтоб Хрольва по прозвищу Пешеход, сына Рёгнвальда, и Агнара, сына Бьёрна, связывали настоящие и крепкие дружеские отношения. Хрольв, разумеется, хорошо знал того, кто теперь ковал ему оружие… А как он мог не знать одного из своих людей? Не так уж велика у него была дружина.

Так уж случилось, что конунг Харальд Прекрасноволосый изгнал Хрольва и его дружину из Норвегии – не помогло ни то, что отец Пешехода был одним из ближайших друзей Харальда, ни вмешательство достопочтенной Рагнхильд, его матери. Конунг Норвегии был человеком суровым, и больше всего на свете он не любил, когда нарушали установленный им закон.

Впрочем, Хрольв не собирался падать духом. Он всегда видел в неудаче лишь повод найти замену утраченному. И если осуществленное древнее право взять у слабого все, что понравится, лишило его родины, значит, родину надо отыскать где-нибудь еще. После недолгого колебания он выбрал Валланд, вотчину Каролингов, потомков Карла Великого. О Магнусе, как его звали викинги, в Норвегии, как и всюду, ходили легенды, но, как и всюду, северяне знали, что потомки Великого – это не он сам. В годы правления Карла мало какой викингский корабль решался сунуться в Валланд. Но не стало Магнуса – и все изменилось.

И теперь, когда для Хрольва пришло время искать новое пристанище (не будешь же вечно, будто кусок коры в ручье, мотаться от одного берега к другому), эта страна давно уже стала намного беззащитнее, чем все окрестные. Потому-то выбор Пешехода пал именно на Валланд – здесь можно было не ждать серьезного отпора.

Так и случилось. Конечно, победа не далась даром, – а что в этом мире падает в руки просто так, – но северяне успели отхватить весьма изрядный ломоть валлийской земли прежде, чем Хрольв решил, что ему достаточно, и большего ему просто «не переварить».

У Хрольва было всего три корабля, а у короля Карла с красноречивым прозванием Простоватый – целая страна. Но Карлу это не помогло. Когда предводитель войска викингов кидался в эту авантюру, он знал, что делает. Он догадывался, что правитель Валланда предпочтет договориться.

Так и произошло. У короля не осталось выхода. Недавний поклонник Тора и Фрейра согласился принять христианство, согласился считаться вассалом короля, – разумеется, чисто номинально, ибо сеньор не может силой принудить вассала подчиниться или хотя бы согнать его с земли, и повиновение остается всецело доброй волей последнего. И теперь речь уже заходила о свадьбе Хрольва, именовавшегося теперь в местных хрониках герцогом Рольфом, с Жизелью, внебрачной королевской дочерью. Этот союз представлялся выгодным обеим сторонам. Хрольв получил какие-никакие гарантии, а его величество к изумлению своему обнаружил, что наилучшим образом защитил свое северное побережье. Новоявленный союзник и будущий зять не собирался терпеть в «своих» владениях никого чужого, даже если это его соотечественники.

Как оказалось, гарантированно защитить границу от викингов мог только викинг.

Агнару, пришедшему в Валланд на одном из кораблей Хрольва, в год начала похода исполнилось всего-то четырнадцать лет. Он казался подростком, способным быть лишь на подхвате. Однако в первом же бою убил первого настоящего врага, захватил первую добычу – кожаный доспешек убитого, его шлем и копье. Этой первой добычей он гордился больше, чем похвалой своего дяди, брата своего отца, который и взял юнца в этот поход.

У Агнара не было отца Вернее, он был, но давно умер – сын плохо его помнил. Мать родственники быстро выдали замуж, и мальчик остался на попечении у семьи Бьёрна. Дядя заменил Агнару отца, он же позаботился об отпрыске брата от какой-то рабыни, и его тоже прихватил с собой в Валланд. Пусть мальчишка учится военному делу, а также ремеслу. Мужчине в Норвегии прилично было знать какое-нибудь ремесло помимо искусства отправлять врагов на свидание с предками. Дядя был хорошим кузнецом, вот кузнечному делу он и обучил племянников.

А теперь Агнар наставлял младшего брата.

В битвах юноша быстро стал мужчиной. В первый год он мало что смыслил в настоящей схватке, но сначала его хранила удача, а потом пришел опыт. На побережье Валланда он показал себя, а в Руане во время уличной битвы спас Хрольву жизнь. Случайно, но вполне серьезно. Тот не забыл.

Когда победа была одержана, и герцогство легло к ногам нового господина, настало время раздавать земли. Каждый сподвижник Хрольва, все его лучшие воины получили свои доли владений – кто деревеньку, кто город, а кто и того больше. Агнар, юноша пятнадцати лет, оказался владельцем большого села в предместьях Руана, под боком у сеньора.

Это была невиданная честь.

В столь юные годы и уже так богат – юноша мог бы гордиться собой. Нетрудно было бы потерять голову. Но он спрятал свою гордыню глубоко в сердце, и теперь, живя оседло, куда больше времени проводил в кузне, чем в доме. Дядя передал ему все свое мастерство, а чему не успел научить, растолковывал теперь. В селении он, разумеется, нашел достойное себя пристанище и всяческое уважение.

И Хрольв, отлично водивший корабли, а также знавший толк в их постройке, но не умевший ковать, оказал Агнару честь – заказал ему меч.

Камни хрустели под жесткими подошвами сапог. Дорожка вскарабкалась на холм, к селению, раскинувшемуся широко и привольно (под властью северян местные крестьяне жили всего ничего – около трех лет, но уже сообразили, что жизнь становится намного спокойнее, а потому занялись строительством), и, попетляв между домами, влилась в широкую, хорошо утоптанную дорогу, заканчивавшуюся у крыльца.

Дом был выстроен в странном стиле – нечто среднее между общими домами скандинавов и возведенными из бревен поместьями местных мелких феодалов. Вместе с Агнаром и его дядей здесь обитало множество народу – слуги, друзья обоих хозяев, которые пока не получили собственных домов или владений и надеялись отличиться в будущем, а также работники, набранные из числа местных ребят покрепче. Последние охотно покидали темные тесные домишки своих семей, приходили к Агнару в надежде на лучшую долю; в спокойные времена они трудились на полях или пастбищах, а если возникала угроза вражеского нападения, становились воинами.

Хрольва здесь, конечно, знали. Валландцы при встрече с ним торопились согнуться в три погибели, люди постарше, привыкшие к старым традициям, не без усилий валились в пыль. Герцог не обращал на них никакого внимания – к

раболепию местных жителей он уже давно привык. Казалось, будто для него просто не существует валландских крестьян – по их спинам его взгляд скользнул как по пустому месту, и посветлел лишь при виде дяди Агнара – тот, конечно же, вышел поприветствовать своего хевдинга, которого уже года три упрямо именовал конунгом.

– Здравствуй, Родбар, – прогудел Хрольв. – Я вижу, ты тут заскучал. Перебирайся-ка ко мне в замок, тебе будет чем заняться.

– Нет-нет, – тот взмахнул рукой. – Я слишком стар, чтоб менять свои привычки. Жить в каменном гробу – это не для меня.

– Эк ты о моем замке! И нечего рассказывать мне о своей старости, – рассмеялся правитель. – Ты еще воин, и воин хороший. Я и сам с удовольствием размялся бы с тобой.

– Да уж лучше с моим племянником, – ответил Родбар, посторонившись в дверях. – Слишком я стар, чтоб оказать тебе достойное сопротивление. А иначе – разве имеет смысл?

– Можно попробовать и с твоим племянником, – Пешеход обернулся и посмотрел на Агнара с интересом. Молодой кузнец, еще сохранивший остатки юношеской стройности, выглядел рядом с ним, как стилет рядом с тяжелым одноручным мечом. – Ты обещал мне холодный эль, Агнар. А потом я взглянул бы и на клинок.

Напиток герцогу с поклоном поднесла молоденькая служанка, но, как она ни улыбалась, как ни пыталась изогнуться пособлазнительнее, тот не обратил на нее никакого внимания – красотки, жившие при руанском замке, были ему намного милее. Одним духом осушив большую кружку, Хрольв с удовольствием прищелкнул языком, и небрежно сделал знак, чтоб ему налили еще.

В большом зале, где Агнар и его люди ели все вместе за длинными столами, а на ночь убирали их и раскатывали постели, все уже было готово к приему дорогого гостя. Служанки торопливо расставляли на почетной стороне стола закуски – соленый овечий сыр, свежие лепешки, копченую рыбу, вареные яйца, сметану, мед и даже немного сливочного масла. У Агнара угощали самыми простыми деревенскими блюдами, но гостеприимный хозяин нисколько не опасался того, что гость станет воротить от угощения нос. Хрольв сам привык к простоте, и еще

в те времена, когда ходил в походы, не однажды питался одним только мясом, кое-как поджаренным над углями. Теперь он с удовольствием попробовал сыр, лепешки и мед, а запеченную оленину встретил с оживлением.

Подождав, пока гость утолит первый голод, Агнар принес из своей спальни завернутый в кусок кожи меч и подал его своему хевдингу.

Тот поспешил развернуть сверток.

Металл в полутьме плохо освещенного зала казался серым, но стоило присмотреться, и становились заметны извивающиеся более темные полосы, которые, казалось, исполняли на великолепно отшлифованной глади клинка всегда в чем-то различные фигуры танца. Тонкие, как конский волос, полосы разных оттенков серого – от самого темного до самого светлого – затейливо сплетались в глубинах стали, делая ее неправдоподобно гибкой и стойкой. Лишь края клинка оставались равномерно-серыми – они были исполнены из обычной стали и обычного железа.

Хрольв поднял тяжелый клинок будто веточку и сильно щелкнул ногтем по краю дола. Металл отозвался сильным, наполненным звоном. Вдоль лезвия и с одной, и с другой стороны тянулись полосы кровостока, облегчавшие вес, но по ним же можно было определить толщину лезвия в центре. Мастер заточил меч, хотя это было непросто, да и не принято – клинки викингов никто и никогда не стремился доводить до остроты бритвы.

В глазах Пешехода появился огонек восхищения. Пожалуй, если бы хоть одна девушка удостоилась подобного взгляда, она смогла бы без труда уверить себя – герцог у ее ног, он влюблен и готов на все. Но ни одна женщина не могла мечтать о подобном. Женщинам Хрольв отводил строго определенное место в своей жизни, и только война и власть царствовали в ней безраздельно.

– Великолепно! – проговорил он, не решаясь коснуться клинка ладонью. – Проверял?

– Разумеется. Это мой первый меч подобного рода. Прежде я делал лишь самые простые.

– Меч с трехступенчатой закалкой ты называешь простым? – довольно рассмеялся герцог. – Прекрасно, прекрасно. Тут следует, наверное, отдать должное и брату твоего отца. Уверен, меч этот появился на свет не без его помощи.

– Повитуха мечей – не так плохо для старого воина, – проворчал Родбар, конечно, довольный похвалой. Он был дюжий, крепкий и румяный, не старше самого хевдинга, при случае мог свалить бычка ударом кулака, шалил одновременно с двумя сельскими сочными молодыми вдовами, и уж на немощного старика не тянул никак.

– Я сделал два клинка, – ответил Агнар. – Оба из слитков металла одной варки.

– Кому ты сделал второй? – ревниво поинтересовался Хрольв.

– Себе. Странно кузнецу-оружейнику не иметь хорошего оружия.

Прежде один из самых удачливых и дальновидных викингов, а теперь – вассал короля Карла Простоватого, любовно осматривал оружие, но не мог найти изъяна. Гарда и «яблоко» были покрыты узором из ямок и линий, на первый взгляд простеньким, но таящим в себе древнее заклятие удачи, претворенное в форму, которую время сделало священной. Обмотанная кожаной полосой рукоять лежала в руке как влитая.

Благодушие Хрольва бросалось в глаза не только тем, кто хорошо его знал, но и сторонним наблюдателям. Даже валландцы перестали испуганно жаться по стенам, и Агнар решился:

– У меня есть к тебе просьба, конунг.

– Слушаю. – Тот не отрывал взгляда от нового оружия.

– Отпусти меня.

– Куда?

Молодой викинг пожал плечами.

– Просто. Отпусти. Мне, откровенно говоря, невмоготу сидеть на одном месте. Я кузнец, но не только. Еще я воин.

И снова в густой бороде вспыхнула усмешка, проницательность и пронзительность которой трогала сердце даже тех, кто считал, будто чужое мнение не для них. Когда Хрольв улыбался кому-нибудь, тому казалось, будто его видят насквозь. Впрочем, почти так оно и было. С годами этот викинг стал настоящим душеведом, мысли и настроение он читал, будто звериные следы на снегу, и сила его духа была такова, что он способен был вторгнуться в сознание собеседника, продиктовать ему свою волю. Пешеходу некоторое время назад перевалило за пятьдесят, почти всю жизнь он водил в бой отряды и людей знал как облупленных.

Впрочем, Агнар под его пронизывающим взглядом смущаться не собирался, даже если хевдинг действительно видит его насквозь. Он смотрел твердо и спокойно, тем самым давая понять, что отговаривать его бесполезно.

– Невмоготу сидеть на одном месте? Повоевать хочется, мир посмотреть? Как же ты еще молод…

– Не спорю, по сравнению с тобой, конунг, я молод.

Хрольв снова занялся своим новым мечом. Он опять осмотрел его, попробовал ногтем край, покрутил в руке.

– Ни на волос не тяжелее, чем надо… Да, я тоже когда-то был таким, меня тоже тянуло из дома в походы. Я понимаю твое желание. Однако отпускать хорошего кузнеца… Здесь, в Валланде, они не делают узорчатую сталь. Хорошее оружие возят из соседних королевств. И лишиться такого мастера, как ты…

– Я еще не мастер. Мой дядя куда искуснее. Если бы не он, я не смог бы сделать все как надо.

Родбар поджал губу.

– Староват я уже молотом махать.

– К тому же, подрастает мой брат. Он хоть и моложе меня, но смышлен и кое-что уже умеет.

Хрольв задумчиво покачивал рукой с мечом и внимательно разглядывал Агнара, будто примеривался – стоит ли рубить, или пока подождать? Он как никто понимал, что юношей, рвущихся в дальние страны, к испытаниям, впечатлениям и богатой добыче, сдерживать бессмысленно. Такова уж природа человеческой натуры, что молодость тянет из дому, к какой-то новой жизни, о которой искатель приключений даже и представления не имеет, и лишь годы способны подтолкнуть его к поиску покоя и размеренной жизни.

– Хороший меч, – многозначительно произнес он, не отрывая взгляда от Агнара, который хоть и умел сохранить душевное равновесие в любой ситуации, но здесь все-таки слегка забеспокоился. Только бога могли знать, что там на уме у правителя Нейстрии. – Ты готов ответить за качество своей работы?

– Разумеется, – бестрепетно и даже с некоторым удивлением ответил Агнар.

– Я так понял, что для себя ты сделал точно такой же клинок?

– Да.

– Ну что ж… Бери свой меч, выйдем во двор, и если покажешь себя достойно, так и быть, отпущу тебя попутешествовать.

– Покажу себя… в чем?

Хрольв довольно улыбнулся.

– В поединке, конечно.

Они вышли во двор. Распуская пояс на рубашке, Агнар поглядывал краем глаза, откуда еще стоило бы прогнать любопытных валландцев, но потом забыл об этом. Крестьяне и работники хозяйского поместья липли к любой щелочке, к любой дырочке, чтоб увидеть хоть что-нибудь из поединка – в их жизни было так мало зрелищ и так много нудной, однообразной, изнуряющей работы, что за любое зрелище хватались обеими руками.

Их можно было выгонять до бесконечности, и все равно кто-нибудь умудрился бы спрятаться и подсмотреть. Да и не хотелось тратить столько времени и сил, чтоб не потешить местных крестьян. Пусть смотрят, в конце концов.

Родбар прошелся по периметру двора лишь затем, чтоб разогнать самых рьяных зевак и очистить место для поединка. Младший брат Агнара уже успел оседлать лошадь, которую ему доверили на попечение, а теперь ждал с кольчугой и подкольчужником. Хрольв бился очень хорошо, к тому же был чудовищно силен, и в поединках не слишком-то осторожничал, поэтому схватиться с ним даже в шутку, но на боевом оружии и при этом без кольчуги было слишком рискованно. Агнар, собственно, и не собирался.

Кольчугу он набирал сам – это была его первая кольчуга и пока еще единственная. После этой работы он, как это водилось, уже мог считаться мастером, но в глубине души все же был уверен, что ему до настоящего мастерства далеко.

Хрольв тоже был в доспехах, позаимствованных у Родбара, которые оказались ему немного малы, и потому в боках были зашнурованы свободнее. Не обращая внимания на глазеющих, жмущихся к стенам слуг, он прошелся, поводя плечами, – наплечники немного жали, – и махнул молодому противнику щитом в левой руке.

– Начинай, парень.

Агнар атаковал. Он не шагнул, а, казалось, скользнул вперед вместе с ветром, так плавно и гибко, как могут только юноши. Целил он в колено хевдинга. Подобное начало схватки не раз и не два давало ему основательное преимущество – как ни странно, воину куда проще поднять щит, чем опустить его, и на какой-то миг ноги, не защищенные деревянным кругом, оказываются под прицелом меча. Молодому воину уже случалось спешивать врага, еще не успев обменяться с ним хоть парой ударов, и тут главное было уцелеть самому, то есть не просто подскочить с должной резвостью, но и отскочить так же быстро.

Однако Хрольв отразил этот удар непринужденно, будто только его и ждал. Щит нырнул вниз и вперед, чуть не ударил Агнара по лбу – тот едва успел увернуться.

– Неплохо, – едва слышно проговорил герцог. – Но надо быть осторожнее. Более опытный угадает твой ход.

И ударил сам. Ударил сверху и наискось, а молодой воин ловко подставил щит и увел косо падающий меч вбок. Но даже в этой ситуации от удара у него на миг онемела рука. Пешеход бил не в шутку.

Они обменивались ударами, кружа по узкому пятачку хорошо вытоптанной земли. Рука у Агнара была тяжелой, как у любого кузнеца, на недостаток силы он никогда не жаловался, хоть ворочая веслом драккара, хоть размахивая самым увесистым из ручников в кузнице. Но, сражаясь с Хрольвом, он впервые понял, что еще слишком молод и просто не встречался прежде ни с кем сильнее себя. Хевдинг оказался именно таким человеком.

Отражать атаки нужно было осторожнее, но разок давно не тренировавшегося молодого мастера подвела левая рука, и удар клинка пришелся по краю умбона. Деревянный круг треснул, умбон погнулся, и Агнар раздраженно отшвырнул испорченный щит. Его противник сделал шаг назад и опустил меч, ожидая, пока кто-нибудь из присутствующих притащит другой щит, целый.

– Неплохо, – сказал он. слегка отдуваясь. – Полагаю, если бы ударил прямо, меч расколол бы умбон, верно?

– Скорее всего, – ответил молодой воин, в глубине души гордясь клинком своей работы. – Но все-таки не стоит проверять. Жалко и клинка, который я с таким трудом шлифовал и точил, и умбона.

– Ты двигаешься правильно и хорошо – дядя учил, не так ли? – но удары надо наносить жестче. Даже если схватка затеяна лишь в шутку, она не для того, чтоб приучать руку к слабым ударам. Бить надо так, словно ты собираешься развалить врага от плеча до пояса, и только так. Не зевай, – и Хрольв поднял меч.

Родбар швырнул племяннику щит, тот перехватил его в воздухе за скобу и тут же подставил под удар. Хевдинг, не сумевший подловить Агнара на возможном мгновении замешательства, довольно крякнул. Отразив атаку, молодой воин тут же рубанул сам, от души. Клинок ударил о деревянную часть щита герцога, расколол его и засел в дереве. Отточенным до автоматизма движением Пешеход

дернул щит вбок, а потом добавил еще и удар кулака и «яблока» меча в грудь. Хозяин селения и поместья на глазах у своих работников полетел в пыль.

Усмехаясь в бороду, то есть незаметно для окружающих, Хрольв легко вышиб у противника рукоять меча, потом без особого напряжения выдернул клинок из дерева, с любопытством осмотрел, убедился, что на нем нет ни зазубрины, и подал владельцу.

– Может случиться еще и такая неприятность, – пояснил он. – Ну, вставай.

Агнар вскочил легко, не чувствуя боли в ключице, по которой и пришелся крепкий удар. Меч в его руке взмыл, будто невесомый, да и щит поднялся, казалось, быстрее, чем это возможно. Мужчины схватились всерьез и тесно, так, что наблюдателям почти ничего не удавалось разглядеть. Один из мальчишек, самый любопытный до зрелищ, взобравшийся аж на крышу сарая, примыкающего к дому, так далеко подался вперед, что скатился с нее, чудом не свернул шею, падая на своего двоюродного братца, любовавшегося схваткой снизу, но даже относительно удачно приземлившись и сильно ушибив локоть, не оторвал взгляда от схватки.

В какой-то момент молодой воин атаковал не так сильно, как следовало бы, и герцог немедленно воспользовался его ошибкой. Он придавил клинок противника к щиту своим клинком и уже шагнул было вправо, рассчитывая вывернуть рукоять из уставшей руки Агнара. Однако тот догадался о возможной опасности еще в момент удара, потому что, само собой, сразу почувствовал – что-то пошло не так; пусть даже и не мог знать, какой ход придумает его хевдинг. Он вовремя выдернул клинок, потянув его вверх, и нырнул к земле. Упал, покатился прямо под ноги Хрольву и тем самым подсек его.

Пешеход, при своем росте и могучем телосложении весивший, конечно, весьма изрядно, тяжело грохнулся на землю. При этом он придавил молодого воина, но тут же с ловкостью, подпитываемой испугом, извернулся – такое получается даже у потерявших былую гибкость зрелых мужчин, которые не сидят у очага, постепенно врастая в кресло, а ходят, ездят верхом и даже иногда берутся за оружие. Перед глазами Агнара мелькнуло бородатое лицо хевдинга и взгляд, ставший напряженным, а потом откуда-то прилетел кулак, который молодой мастер в долю мгновения успел разглядеть во всех подробностях – даже мозоли на костяшках заметил, – и мир залило равномерной темнотой.

Правда, длилось это недолго. Странное ощущение, сковавшее мозг временным небытием, отступило, и он снова увидел двор, дом и сарай, и пыль, покрывшую его руки, и грузного Хрольва, пытающегося подняться. Тот повернулся на бок, чтоб сподручнее было оттолкнуться от земли, заметил взгляд своего молодого противника и пробормотал:

– Вот наглец! – Он уже расплылся в улыбке, и грозного взгляда не получилось.

Агнар встал с земли первым, и на этот раз именно он подал хевдингу меч, который тот выпустил из пальцев, чтоб попотчевать нахального мальчишку, да еще и понадежнее обезопасить себя от какой-нибудь необычной, неожиданной атаки.

– Наглец, – повторил Хрольв, утвердившись на ногах. Проговорил он это слово с удовольствием, как бы даже смакуя. – Просто наглец. Но быстро соображаешь. Из тебя годков через пять такой воин получится, что держись… Если выживешь, конечно. Как я тебя отпущу?!

– Конунг…

– Ну ладно, ладно. Мой отец меня тоже в свое время отпустил. И правильно. Молодые сами должны набить себе все шишки. Своего ума им не вложишь, – Пешеход хлопнул молодого воина по плечу, снова взглянул на клинок, внимательно обследовав его, убедился, что никаких зазубрин нет, и еще разок довольно улыбнулся. – Хороший меч. Да… Того серебра, которое я заплачу тебе за меч, тебе, наверное, хватит и на корабль.

– Думаю, что не стану строить свой, – улыбнулся Агнар. – И товар не стану покупать. Боюсь, торговец из меня никудышный.

– Ну, торговцы тоже нужны, – немного невпопад заявил герцог. – Не меньше, чем воины.

– Нужны хорошие торговцы, – подсказал молодой мастер.

– И хорошие воины, – прогудел Родбар, подходя к ним обоим. Протянул хевдингу большую деревянную кружку. – Утоли жажду, конунг.

Хрольв осушил кружку в три длинных глотка. Утер рукавом усы и бороду от пивной пены.

– Хорошо. Хорошее у вас пиво. Пожалуй, заночую здесь. Агнар, когда в путь?

– Через несколько дней. В Руане стоит торговый корабль, на нем и отправлюсь.

– Оставишь на меня свое поместье, – проворчал его дядя. – А я уже слишком стар, чтоб присматривать за слугами.

– Тебе надо жениться, – сказал хевдинг. – Тогда твоя молодая жена будет следить за хозяйством. И, возможно, принесет тебе в приданое собственное поместье.

– Староват я жениться, – упрямо заявил тот – и задумался.

– Не говори ерунды. Я старше тебя, но беру же Гизел в жены. Хоть она, конечно, еще девчонка, и пока научится вести дела, пройдет немало времени.

– Пусть накрывают стол! – приказал Агнар, и слуги, пребывавшие в восторге от увиденного зрелища, бросились исполнять приказ. Теперь тем для разговоров им должно было хватить надолго, по крайней мере, до ближайшей ярмарки.

Владелец поместья чувствовал оживление и одновременно едва различимое сожаление. В его душе боролись два противоположных желания – все оставить как есть и сорваться с места. Да, здесь в Валланде, вблизи Руана, в собственном сравнительно обширном владении ему было хорошо.

Вот только скучно.

И, усмехнувшись прихоти своего сердца, которое вдруг на какой-то миг затосковало по покою и новообретенной родине, поспешил следом за Хрольвом.

«Кстати, что мне мешает наведаться на север, в Согнефьорд? – подумал он и повеселел. – Конунг Харальд не изгонял меня из своей страны, и я волен вернуться. Посмотреть на родные скалы». И, успокоенный, сделал знак, чтоб на столы несли мясо.

Раннее утро застало торговый корабль уже в пути, Агнар, как и все остальные молодые мужчины, сидел за веслами. Пожилым в команде был только сам хозяин старого, но еще очень крепкого кнорра, немного более узкого, а потому более быстроходного, чем обыкновенные торговые кнорры. Собственно, это судно представляло собой нечто среднее между боевым и грузовым, и потому нетрудно было догадаться – его владелец привык плавать далеко и не гнушаться грабежа, если он оказывался выгодней торговли.

Но сейчас кнорр шел в Британию с одной-единственной целью – перехватить там такого товара, с каким не стыдно будет отправиться дальше, в один из скандинавских торговых городов. Агнара владелец корабля и товара согласился взять охотно – рабочих рук ему всегда не хватало, меч тоже был не лишним, – словом, они поладили. Теперь вещи молодого воина лежали под палубой, там же, где и все, а плащ был аккуратно сложен и пристроен под свернутым шатром у мачты. Шатер ставили очень редко, тем более, что никакой необходимости в нем не было – ночи стояли по-летнему теплые и ясные.

– Я рассчитывал добраться до Лундуна[1 - Так викинги называли Лондон.] к Майскому дню, но, видимо, опоздаю, – сказал торговец Агнару. – Жаль, этот праздник на Островах отмечается особенно широко, и даже не самые богатые таны в этот день тратят много серебра.

– Так, может, поднажать? – равнодушно спросил тот.

– Какое там поднажать. И так вроде идем с нужной скоростью.

Молодой мастер и раньше время от времени отмечал, что он, кажется, сильнее многих. Но лишь в этом походе убедился – это действительно так. Пять лет назад, добираясь до Валланда на кораблях Хрольва, он еще не мог грести наравне с мужчинами, быстро выбивался из сил и как бы ни злился на себя, все равно рано или поздно начинал сдавать, махал лопастью не в такт, – словом, приходилось звать сменщика и идти к мачте отдыхать.

Но тогда, даже работая в кузнице под присмотром своего дяди, он все-таки еще был подростком.

Пяти лет оказалось достаточно, чтоб превратить мальчишку в мужчину. Теперь на корабле торговца, – кстати, он тоже оказался уроженцем Согнефьорда, и это было приятно Агнару, – он уставал последним, если вообще уставал, и после дня гребли без возражений соглашался нарубить хвороста для костра, а то и рыбу почистить.

– Хорошо, если бы ты и дальше с нами ходил, – сказал один из людей купца, путешествовавший с ним уже много лет, слабосильный – на весла вообще бессмысленно сажать – и удивительно ленивый. Иной раз он поражал своим хитроумием даже давних соратников, особенно когда надо было избежать работы, или же выбрать работу полегче. Но торговец все равно таскал его с собой, ибо парень молниеносно делал в уме самые сложные расчеты, всегда мог сказать, что выгодно покупать, а что не выгодно, и по одному виду тюка ткани сразу умел определить, качественное полотно, или нет. – Гребешь, готовишь…

– Думаю, на этом корабле мне будет тесно, – рассмеялся Агнар. – Но немного попутешествовать можно.

– Куда же ты направляешься? Ну, в смысле, куда надеешься добраться в конце концов?

– А боги знают! Сперва в Согнефьорд, проведать родственников, а там… Куда-нибудь да занесет. Конец любого пути – это начало следующего. Так любит говорить брат моего отца.

– И он прав, – парень зевнул и почесал живот. – Может, и мне когда-нибудь захочется погулять… Хотя… У меня и так много работы, а если прибьюсь к какой-нибудь другой дружине…

– То уж там-то тебе бездельничать не дадут! – крикнул кто-то из гребцов. – Да просто пришибут за леность! – Остальные захохотали.

Кнорр торопился на восток. Воды реки корабль прошел за два дня, и утром третьего в лицо Агнару ударил пахнущий водорослями и рыбой холодный ветер. Он показался скандинаву сладостным, как ожидание счастья. Этим ветром он дышал все детство, все годы, когда учился ходить на веслах и под парусом, и позже, когда на корабле Хрольва Пешехода добирался до Валланда. Воюя за владения для своего хевдинга и обживаясь под Руаном, он почти забыл, как

пахнет морской воздух, забыл ощущение соли на губах, палубы под ногами и ветра в лицо.

Корабль выскользнул из-за мыса, и кормчий переложил рулевое весло.

– Пойдем вдоль берега – так безопаснее, – объявил купец.

– Ну еще, вдоль берега! – возмутился его ленивец-помощник. Он мечтал о том часе, когда, войдя в какую-нибудь таверну на английском берегу, потребует кружку пива или эля и надолго забудет тяжелый труд на корабле. – Слишком долго. Надо напрямик.

– Напрямик ходят суда лишь большими группами!

– Чего нам бояться? Конунг Хрольв приструнил всех бандитов, их здесь и не бывает. А если поторопимся, успеем к Майскому дню, и тогда можно надеяться на действительно большую прибыль.

Мысль о прибыли заставила купца задуматься. Оно и верно, зачем еще пускаются за море решительные и тороватые – разумеется, затем, чтобы подешевле купить и подороже продать. Великолепные ярмарки, устраиваемые в Ландевике,[2 - Саксонская область Лондона.] были известны по всей Британии. В Майский день, – местные обыватели до сих пор называли этот праздник Бельтайном, назло священникам и ревнителям христианства, – народ веселился вовсю, а заодно тратил деньги на нужные и не слишком-то нужные вещи.

Торговец отлично помнил, что везет в числе прочего товара еще и два десятка серебряных украшений. Заставить небогатых танов раскошелиться на драгоценности в будний день было раз в десять сложнее, чем в праздничный. Да еще вино к тому же. После праздника его удастся продать разве что монастырю. И то не вдруг.

Не успевшему в срок купцу предстояло потерять изрядную часть дохода.

– Поворачивай в открытое море! – хмуро приказал он.

Кормчий снова переложил рулевое весло. Квадратный парус затрепетал было, но, поймав ветер, упруго выпятился вперед. Его растянули между фальшбортами при помощи бона, и кнорр полетел вперед. Гребцы с облегчением сложили весла вдоль бортов.

Небо было пронзительно-синим, с редкими перышками облаков. Устроившись на скамье, Агнар довольно прищурился – приятнее всего на корабле было именно при таком вот устойчивом и сильном ветре, когда парусом занимаются от силы четверо, а грести, само собой, нет необходимости. Размякнув на солнце, которое припекало не скупясь, он без труда поверил, что все в его жизни будет хорошо – просто замечательно.

И верил он в это ровно полдня – до того момента, как дозорный на кнорре, бдительно и даже подозрительно рассматривавший синюю гладь английского пролива и серые полосы земли, не крикнул тревожно, показав рукой на парус, вынырнувший из-за гряды волн. Неприметный такой, бледноватый парус.

– Может, тоже торговцы? – с надеждой спросил ленивый помощник купца, и, покосившись на своего хозяина, бочком отодвинулся от него. Будто ждал, что тот кинется бить незадачливого советчика прямо здесь и сейчас.

Но тот лишь хмуро разглядывал парус. Видно его было плохо, да и намерения чужака с такого расстояния сложно было угадать: то ли в их сторону двигается, то ли в другую.

Агнар задумчиво тер ладонь правой руки – обычно перед боем она у него начинала зудеть. На этот раз ничего похожего, но, быть может, он просто отвык от ощущения кожаной оплетки рукояти меча, натирающей на коже мозоли. На всякий случай поднялся со скамьи, шагнул к мачте и поднырнул под аккуратно сложенное полотнище шатра. Наощупь без труда нашел свой плащ – в него он завернул котомку с кольчугой и кожаным шлемом. Подтянул сверток к себе поближе.

Глядя на него и остальные путники принялись искать свои доспехи.

– Рановато паниковать – еще неизвестно, будет ли он нападать, – хмуро сказал купец. Ему тоже очень хотелось верить в лучшее.

– А кто тут паникует? – спокойно возразил ему один из помощников, извлекая на свет свою кольчужку – короткую и довольно грубо сделанную. – Наоборот, с доспехом спокойнее. Чтоб не паниковать.

– Бери левее и в открытое море! – хмуро приказал торговец. Пальцы, стиснувшие фальшборт, выдавали его нервозность, но его руки сейчас никого не интересовали, и это осталось незамеченным.

– Не учи меня, – огрызнулся кормчий, причем довольно громко. Поучать викинга, сидящего у руля, было не принято, разве уж он совсем юный и неопытный, но в таком случае оставалось лишь удивляться, зачем такого посадили на кормовую скамью. – Сам знаю.

Но влево не повернул. Растянутый парус кнорра ловил в свои объятия упругий, плотный, будто поток воды, береговой ветер, которому вскоре предстояло иссякнуть и смениться другим, океанским, послабее и не таким уверенным. Пока же кормчий выжимал из ветра все, что только мог. Однако уже заранее снарядившиеся гребцы расселись по местам – встречаться с чужаком, тем более если у него недобрые намерения, не хотелось никому. Едва утихнет ветер, все сядут на весла и будут гнать вперед корабль, пока не удастся поймать парусом еще один поток.

– Ну, может, все-таки торговец?! – простонал ленивец, которому страсть как не хотелось влезать в доспех. Да и драться, конечно, тоже.

– Не ной, – коротко и раздраженно бросил Агнар. – Сними мой щит с борта.

– С чего это я твой щит стану снимать? Сам снимай…

– Делай, не то выкину тебя за борт – сплавай да узнай, торговцы они или нет.

Помощник купца сразу замолчал, нагнулся над бортом и принялся возиться там. Щит он снимал втрое дольше, чем это сделал бы любой другой скандинав.

– Поворачивают! – крикнул кто-то.

Теперь сомнений не оставалось – это охотники за легкой наживой. Издалека да по форме корабля сложно было угадать, откуда родом облепившие фальшборта люди, одно было ясно – это не викинги. По обводам и форме бортов Агнар, разок оглянувшись назад, определил, что судно скорее всего нейстрийское, но старое. Должно быть, на нем ходила команда, сколоченная еще в те времена, когда Нейстрия не принадлежала Хрольву. Тот хоть в свое время в Норвегии и нарушал возглашенный конунгом Харальдом закон – грабил, если нужны были припасы, – твердо считал, что закон следует соблюдать. Наверное, пример конунга Норвегии убедил его в правоте сего утверждения – от своих подданных Пешеход требовал еще более скрупулезного следования своим установлениям.

Так что искатели легкой наживы, должно быть, от греха подальше перебрались на один из скалистых прибрежных островков, которые никто никогда не проверял. Но теперь, лишенные возможности залезать в амбары к крестьянам, они оказались в еще большей зависимости от грабежа на море. И, наверное, спешили нагрести как можно больше, пока герцог все-таки не нашел время расправиться с ними. «Сомнительно, что Харольд долго будет терпеть таких „конкурентов“, – подумал молодой воин, затягивая ремень поверх кольчуги. – Отправит он их рыб кормить, ох, отправит…»

Ветер надувал парус от души, но преследователи явно шли быстрее.

– У них корабль легкий, – пояснил моряк, сидящий на соседней с Агнаром скамье. – У нас товар – у них только головорезы.

– Что там за головорезы, еще посмотрим.

– Да-да. Посмотреть, похоже, придется.

Корабль преследователей набирал ход. Было видно, как на нем суетятся, растягивая и закрепляя углы паруса. В какой-то момент появилась надежда, что удастся уйти, – разбойничий корабль вряд ли будет гнаться долго и упорно, в большинстве своем они ищут легкую добычу, – но вскоре надежда пропала, будто дымок в полутьме. И когда до преследующего кнорр корабля осталось расстояние, равное двум обоюдным выстрелам из лука, торговец зычно крикнул:

– Оружайсь!

– Спохватился, – пробормотал сосед Агнара, берясь за весло. Те, кто дежурил у паруса, готовились опустить рею целиком – это куда удобнее и быстрее, чем сворачивать полотнище, и под градом стрел намного безопаснее.

Все вокруг уже были в кольчугах или в кожаной броне, мечи лежали на скамьях рядом или на коленях, щиты тоже были под рукой. Собственно, все воины были спокойны и даже немного равнодушны – драться для них было самым привычным делом. Нервничал только купец, хотя ему вряд ли предстояло рубиться с врагом, разве что уж в самом крайнем случае. Его люди рисковали своими жизнями, и потому пребывали в состоянии полнейшей невозмутимости. Сам владелец корабля рисковал своим состоянием, и оттого медленно, но верно терял душевное равновесие.

Догоняющие их нейстрийцы или, может быть, фризы или фландрийцы, не стали церемониться – поднимать щит, направлять на преследуемых копье, словом, хоть как-то заявлять о своих намерениях хотя бы из вежливости. Зато во всю силу легких орали что-то, должно быть, весьма смачное.

– Что кричат? – деловито поинтересовался у Агнара один из викингов.

Молодой мастер, в отличие от множества своих соотечественников, поселившихся под Руаном, но до сих пор не знающих даже пары фраз на местном наречии, прекрасно понимал местную болтовню, хоть и не умел болтать так же. Правда, расстояние немного искажало часть слов, но, прислушавшись, он в общих чертах понял, в чем суть.

– Ругаются.

– А как?

– Зачем тебе знать? – полюбопытствовал второй. – Ты что, сам ругаться не умеешь?

– Тебе-то какое дело – умею или нет? Интересно и все.

– Говорят, мы отродья всевозможных демонов, посланцы тьмы, рождены на мусорных кучах женщинами не очень достойного поведения, что пьем кровь

мертвецов… – стал переводить Агнар.

– А по делу что-нибудь есть?

– Да нет. Так, бессвязные вопли… Мол, мы зря приперлись на их землю, и они нас сейчас научат, что надо дома сидеть.

– Все с ними ясно, – презрительно скривился викинг. У него было обветренное лицо и седина в висках, а также руки недюжинной силы – веслом он ворочал будто коротким копьецом, без напряжения и с должной ловкостью. – Прежде сидели по избам и дрожали, боялись нож в щупальца взять, носами в землю утыкались, а теперь, когда их вдвое больше, чем нас… Или больше, чем вдвое?

– Ну, их, пожалуй, поменьше, чем вдвое, – возразил молодой парень, приблизительно одних лет с Агнаром, привставая со скамьи, чтоб посмотреть на преследующий кнорр корабль. – Но все равно больше нас.

В этот момент свистнули первые стрелы, и парня грубо дернули вниз, чтоб не высовывался.

– Сколько ни объясняю – все впустую, – проворчал все тот же опытный воин с седыми висками. – Продырявят тебе башку – будешь знать.

Агнар перехватил меч, вложенный в ножны, привычно попробовал, как вынимается, подвинул поближе щит, чтоб подхватить одним махом, и взялся за весло. Рея, отягощенная парусом, упала в тот миг, когда он, как и все, взмахнул лопастью и погрузил ее в пенящуюся сине-серую волну. Здесь главное было не замедлить движение корабля тридцатью веслами, а наоборот, по возможности придать ему ускорение. Кормчий, поднявшись со скамьи, слегка вытянулся, чтоб лучше и дальше видеть, и направил корабль в область подводных скал. Эту часть моря он знал отлично и уповал на то, что преследователи ее изучили хуже.

Однако скоро стало ясно, что их этим не напугать. Их кораблик, набитый вооруженными людьми, сидел в воде даже чуть выше, чем торговый кнорр, и почти так же резво огибал риф за рифом.

– Сделай же что-нибудь, – негромко сказал купец, подойдя к кормчему.

– Делаю, что могу. Но, похоже, они эту часть моря знают не хуже, чем я. Кстати, рифы скоро заканчиваются.

– Выводи в открытое море, – вздохнул торговец. – Будем драться.

Кормчий хотел огрызнуться, но краем глаза заметил тоску на лице владельца кнорра – и промолчал.

Корабль викингов выскользнул с опасного мелководья, и за ним устремилось суденышко нейстрийцев – не слишком крепкое, сразу было заметно, но зато довольно юркое. Там воины тоже сидели на веслах – под парусом проходить мимо рифов было слишком опасно – и у них уже не оставалось сил оскорблять преследуемых. Окрыленные собственным превосходством и деланной робостью давних кровных врагов, они с увлечением гнались за северным кораблем и впервые за много-много лет чувствовали себя самыми могучими воинами мира и властелинами морей.

Однако очень быстро все изменилось. Викинги не хотели вступать в бой – у них на данный момент имелось занятие и поинтереснее, – но тем не менее, встретившись с такой необходимостью, сочли, что куда выгоднее будет напасть первыми.

Кнорр развернулся плавно, но хищно, будто настоящий дракон, и стремительно кинулся на корабль нейстрийцев. Тридцать крепких парней, отдохнувших за время попутного ветра, поднимали и опускали весла одновременно, будто одна рука, – чувствовалась выучка. Впрочем, чему тут удивляться, в краю, где до соседнего поместья куда проще добраться по морю, чем по суше, мальчишек раньше сажают на весла, чем приставляют пасти овец!

Нейстрийцы попытались избежать столкновения, навязанного им викингами, но кормчий скандинавов лишь чуть довернул рулевое весло, и в конце концов нос кнорра с хрустом вломился в фальшборт вражеского корабля, придавив его своей тяжестью. Судно нейстрийцев осело на один борт, часть любителей легкой наживы полетела со своих мест, будто перезрелая смородина с ветки, которую задели локтем.

Миг – и викинги уже перепрыгивали на корабль чужаков. Агнар был одним из первых – так уж случилось, его скамья оказалась ближе всего к вражескому

борту. Прыгая, он ненароком задел пяткой челюсть нейстрийца, медленно встававшего с палубы. Тот отправился обратно на палубные доски, мокрые от волны, которая захлестнула их, когда корабль накренился. «Эк у меня ловко получилось», – подумал молодой мастер.

Он вырос на корабле. Дядя постоянно брал его с собой в плаванье, особенно не слишком долгое и опасное. Он отлично умел держаться на мокрой палубе, а потому не отправился вслед за поверженным бойцом, переступил через него и ловко сшиб с ног второго нейстрийца, уже почти поднявшегося на ноги, – видимо, довольно опытного и сообразительного бойца, но уже немолодого, ставшего, должно быть, чересчур медлительным. Он все еще придерживался рукой за скамью, меч держал опущенным, и викинг не стал тратить время на то, чтоб занести меч и срубить голову – просто толкнул щитом. Один пинок ногой вслед – и нейстриец перестал представлять какую-либо угрозу. Его теперь намного больше занимала сломанная челюсть.

– Бей ублюдков! – очень громко, должно быть, от ужаса завопил один из любителей легкой наживы, понимающий, что сам превращается в добычу.

«Интересно, почему „ублюдки"?» – удивился Агнар, толчком щита сшибая в сторону неверно направленный меч и следом ударив своим клинком. Будь у него в руках оружие похуже, из плохой стали, он побоялся бы атаковать именно так, но теперь риск оправдался. Враг получил под кожаную, укрепленную металлом полосу доспеха пару дюймов стали, и сначала даже не понял, почему у него подкосились ноги. А потом он уже не интересовал молодого мастера.

Пыл, подогревавший желание нейстрийцев ограбить скандинавское торговое судно, стремительно начал угасать, но было поздно. Хотя викингов действительно оказалось меньше, они сражались намного увереннее и, к тому же, даже не выстраиваясь плотным строем, действовали слаженно, как один. Плечами чувствуя соседей справа и слева, они прикрывали друг друга, и любой пират, сопротивлявшийся с должным умением и упорством, был обречен рано или поздно получить удар в бок. А уж неопытные валились чуть ли не от первого же взмаха.

Викинги попытались очистить палубу «нейстрийца», и сначала у них все получилось, но потом валландцы, гонимые жаждой жизни, все-таки сумели собраться и сплотиться, а чуть позже даже потеснили противника. В схватке как-то по особенному текли мысли, странные идеи приходили в голову, и,

наверное, надеясь отвлечь внимание викингов от своих соратников, а может, и расстроить их ряды, один из самых отчаянных и молодых парней разбежался, перемахнул через широкую полосу воды между кормой разбойничьего и бортом торгового корабля, и бросился к мачте.

Корабль, конечно, не остался без присмотра – у мачты ждал исхода драки сам купец, да вблизи борта стояло трое мужчин с оружием. Увидев викингов, нейстриец заметался, спасаясь от меча разгневанного торговца-скандинава, перепрыгнул через рею с кое-как свернутым парусом, перехватил топорик, который тащил с собой, и изо всех сил рубанул по мачте.

Смысла в этом действии особого не было, но взмах топора разозлил хозяина кнорра больше, чем нападение. Корабль – святое для любого скандинава. Это почти что дом, – ведь на судне купец проводил большую часть своей жизни. Он любил его и удар топором воспринял, как удар по чести.

Торговец взревел и бросился за юношей. Тот – от него, размахивая топориком. Делая круги вокруг мачты то в одну, то в другую сторону, он то и дело засаживал лезвие топора в дерево и снова выдергивал. Топая по парусине, мужчины гонялись друг за другом, будто мальчишки. Стоявшие у борта трое викингов сначала не могли понять, что происходит, а потом, разобравшись, не сумели удержаться от смеха.

Купец смешков не слышал, не видел он и того, как, поднажав, его воины смяли куцый строй нестрийцев. Он гонялся за дерзким мальчишкой, а тот, все прибавляя и прибавляя ходу, начинал понимать, как нелепо он ввязался в серьезную драку, сам себе придумал проблему. В последний раз он слишком глубоко засадил топорик в дерево, рванул, но выдернуть оружие не смог, и припустил прямо по скамьям, закладывая петлю за петлей. Торговец не отставал от него, и только природная ловкость помогала юнцу избегать меча, взмахи которого то и дело обдавали его холодком близкой смерти.

– Во дает… Акробат! – весело крикнул Агнар, разделавшийся со своим противником и получивший пару минут на то, чтоб передохнуть.

– Который – наш или их? – загоготал седоголовый викинг.

– Оба хороши.

– Вот уж точно…

– Ловите его! – завопил купец.

Нейстриец, спасаясь от преследователя, с ловкостью гимнаста пробежался по борту кнорра, перепрыгнул на свой корабль – и попал «в объятия» только что выбравшихся из боя, еще разгоряченных викингов. Церемониться с ним никто не стал – в схватке это делать некогда.

– Эй, погоди! – крикнул было Агнар, но, поняв, что бойкому юнцу уже никто не поможет, безнадежно махнул рукой. – Ну вот. Могли бы и оставить. Пригодился бы…

– Ага. Шутом бы поработал, – с облегчением, что битва почти завершена, и весьма благополучно, веселились викинги.

– Вы посмотрите, что он сделал с мачтой! – едва не рыдая, проговорил торговец.

Глава 2

До английского берега кнорр добирался торопливо и украдкой. Мачта, разумеется, стояла довольно крепко – боевым топориком бревно толщиной в мужскую ляжку невозможно срубить. Но юнец сумел-таки попортить ее, и в бурю она наверняка не выдержала бы. Значит, надо мачту менять, причем как можно скорее.

Мачта нейстрийского корабля не подошла. Да и странно было бы, если бы подошла, ведь корабли были совершенно разные. За время погони кнорр ушел далеко от валлийского побережья, к тому же, купец опасался встретиться с приятелями перебитых разбойников. Поэтому он согласился с кормчим, когда тот предложил ему держать курс прямо на Острова, куда, собственно, они и направлялись. Разумеется, выбирать место, где причалить, не приходилось. Сначала надо было поставить новую мачту, а там уже путешествовать в свое удовольствие – мало ли что может случиться.

Викингам пришлось сесть на весла, причем проработали они всю ночь, даже Агнар притомился, и, когда его сменил кто-то из отдохнувших, он с удовольствием размялся, хрустнув суставами. Под утро из тумана выплыла полоса лесистого берега и невысокие белесые скалы. Селений не было видно, рыбачьих лодок тоже, и это многих успокоило – хотелось отдохнуть, а не пугать местных жителей.

– На берегу отдохнете! – командовал торговец. – Поднажми, ребята! – даже ему этой ночью пришлось сесть на весла.

Викинги отлично понимали, что настоящего отдыха все равно не будет, но трудились на славу. Каждому из вымотавшихся гребцов на берегу по очереди дали выспаться по паре часов. Одни спали – остальные трудились: таскали хворост, носили с корабля котлы и припасы. Викинги, привыкшие к странствиям, умело и быстро устраивали лагерь. Агнар дремал, но даже сквозь сон он чувствовал приятный запах дымка, а потом и аромат каши с салом и кусочками вяленого мяса.

Стоило ему поднять голову от свернутого жгутом плаща, как ему сразу же сунули под нос полный котелок.

– Отъедай свою долю, здоровяк. Намаялся?

– А то, – молодой мастер выдернул из-за голенища сапога деревянную ложку. – Сколько тут моего?

– А сам сообрази. Нас восемь человек.

Завтракая, он оглядывался – берег выглядел гостеприимно, солнце заливало теплую землю, и из гущи зелени выглядывали скромные полевые цветы. Самое время для празднования Майского дня – есть из чего девушкам наплести венков, есть где повеселиться. Танцы под солнышком, а ближе к ночи – у жаркого костра, да пир на открытом воздухе, да пиво, – в этот день крестьяне веселятся, набираясь сил перед тяжелой летней страдой, когда не то что поразвлечься – выспаться будет некогда.

Торговец, не успевший к празднику в Ландевик, ходил хмурый, и его даже не успокаивало то, что весь товар удалось уберечь от разграбления. Конечно,

праздники еще впереди, и, если поторопиться, можно успеть захватить веселье за хвост. Но обыватели наиболее щедры именно в первый день праздников, так что самая большая выгода уже упущена безвозвратно.

– Ну и чего ты ноешь? – ответил своему хозяину помощник-ленивец, который так вымотался во время гребли, что теперь лежал в лежку, и поднять его с места не могли ни угрозы, ни даже пинки. – Жив остался – и радуйся. Все продадим.

– Как?! К последнему дню праздников у них уже и серебра-то не останется.

– Обменяем на местный товар. А таны побогаче празднуют намного дольше, чем крестьяне. А чем пьяней, тем щедрей, – он заразительно зевнул и отвернулся. – К тому же, у нас есть еще целый день. Если даже не в Лундуне будем торговать, так и что? Серебро не пахнет, хоть оно лундунское, хоть оно дуврское.

– Тоже верно, – немного успокоился купец. – Ну, ребята, давайте, ищите деревцо под мачту – здесь должны быть. Лишь бы до Лундуна добраться, а там видно будет.

Агнару, который к этому моменту уже отъел свою порцию из котла, вдруг безумно захотелось пройтись. Не так уж часто ему удавалось побыть одному, даже в кузнечной мастерской рядом постоянно кто-то был – то брат, то дядя. В доме его неизменно окружало много людей, и, хотя молодой человек привык к тесноте с рождения, иногда возникало острое желание побыть наедине с самим собой. И вот отличная возможность.

Он поднялся и, оглянувшись, подхватил топорик, которым кто-то совсем недавно рубил хворост.

– Я тоже схожу поищу, – сказал он купцу.

– Иди, – согласился тот. – Но кольчугу надень и меч не забудь – тут люди бывают разные. Многие очень не любят таких, как мы.

– И лучше идти строем! – сострил кто-то из викингов, слышавших совет торговца.

Впрочем, несмотря на насмешку, Агнар посчитал разумным последовать совету владельца кнорра. Хоть солнце и припекало, он натянул кожаный подкольчужник, нырнул в кольчугу, затянул поясом с перевязью, машинально проверил, легко ли в ножнах ходит клинок. Подумав, заткнул топорик за ремень и отправился в лес.

Вокруг все зеленело и цвело, и казалось, даже лес радовался празднику, хотя, собственно, какое дело природе до людских традиций и привычек? «Впрочем, наверное, наши предки не от великого недомыслия выбрали для праздника именно этот день, – подумал он. – Наверное, в этом есть какой-то смысл». Молодой мастер молча порадовался, что через денек-другой немного отдохнет, попьет отличного местного эля или пива, и, может быть, понежится в объятиях какой-нибудь не слишком целомудренной селянки. Тем более что традиции Майского дня в деревнях еще живы, и родители снисходительно смотрят на любовные похождения дочерей именно в праздники.

Отойдя поглубже в лес, он выбрался на небольшую, серповидную полянку, покрытую густой, очень сочной травой, где так и хотелось поваляться. От полянки он взял немного влево и набрел на холм, густо поросший лесом, на который, поколебавшись, решил подняться. В Скандинавии самые лучшие, самые статные, «мачтовые» деревья росли намного выше уровня моря, а раз нужна была именно новая мачта… Присматриваясь к стволам, он вынул из-за пояса топорик и, продравшись сквозь заросли папоротника, выбрался на более или менее ровный участок.

За молодой порослью орешника вдруг мелькнуло что-то белое, Агнар сделал еще несколько шагов, поудобнее перехватывая топор – и в изумлении уставился на девушку, прижавшуюся спиной к стволу. Едва слышно выругавшись, он опустил топорик и сделал к ней шаг. Потом остановился. Девушку пугать не хотелось.

– Не бойся, я тебя не обижу, – сказал он на нейстрийском наречии, надеясь, может, она поймет если не слова, то хотя бы тон голоса.

У девушки были огромные и на удивление неподвижные глаза. Она рассматривала Агнара то ли со страхом, то ли с любопытством, и не двигалась, в какой-то момент ему даже показалось, что девушка умерла от испуга, но при этом забыла упасть.

– Я тебя не обижу, – повторил он.

На ней было что-то белое и, как ему показалось, очень тонкое, полупрозрачное. «Наверное, в одной рубашке, – мелькнуло у него. – Поэтому и боится. Мало ли, какие у них тут традиции, связанные с Майским днем. Может, принято в лес нагишом ходить».[3 - По нравам IX века для женщины выйти из лома в одной тонкой рубашке – все равно, что выйти голой.]

Она шевельнулась, мягко отодвинулась от дерева, и молодой мастер поневоле отметил, насколько она гибка, стройна и хороша. Длинные распущенные волосы блестящими колечками лежали на плечах, пышным плащом скрывали спину, а отдельные прядки касались колен, которые мягко вырисовывались под тончайшим полотном рубашки. Из-за кос, черных, как вороново крыло, кожа незнакомки показалась Агнару нежной, будто облако, и тонкой, словно шелковая нить. Молодому мастеру пришло в голову, что она, наверное, прохладна и приятна наощупь. Ему захотелось коснуться ее, погладить, покрепче прижать к себе и ощутить всем собой упругое женское тело.

То, что топор выпал у него из руки, он заметил лишь тогда, когда протянул девушке правую руку. Она робко улыбнулась ему и сделала шаг, такой плавный, будто проплыла над землей. Жар родился в глубине его тела и сознания, пересохли губы, стали путаться мысли. Он он шагнул к ней, она прижалась было к нему, но тут же отпрянула и опустила глаза на его ремень. Пряжка была фигурная, массивная, он сам ее отлил и отделал, и теперь подумал, что, может быть, ей неприятно прикосновение металла сквозь такое тонкое одеяние, или же причиняет ей боль. Не выпуская ее из объятий, молодой мастер левой рукой торопливо нашарил пряжку, расстегнул ее и положил ремень вместе с перевязью и мечом рядом с собой.

В следующий миг девушка оказалась в его объятиях, и Агнар почувствовал, что теряет контроль над собой. Он потянул с нее рубашку, и та почему-то легко сползла с ее плеч. Ладони мужчины легли на нежную, теплую и одновременно приятно холодящую кожу, и только теперь он понял, как разгорячили его мысли о незнакомке. Она обвила тонкими, легкими руками его шею, потянула его в сторону, туда, где, по-видимому, им обоим должно было быть лучше всего.

И он пошел за нею, правда, прихватив с собой пояс с мечом.

А то, что происходило дальше, необъяснимо перемешалось в его сознании с посторонними образами и ощущениями. Погрузив лицо в ее пышные, шелковистые волосы, он почувствовал аромат здорового и красивого женского тела, но одновременно – запах цветущего кипрея, согретого солнцем, чуть привядшей, недавно скошенной травы, влаги, разбрасываемой вокруг скачущим по камням ручейком, и даже дубовой коры. Девушка обнимала его, ласкала страстно и с выдумкой – а ему в этот момент казалось, будто он идет на легком пихтовом корабле сквозь разыгравшееся, но еще не разбушевавшееся море, по волнам, которые не опасны, но зато приятно раскачивают суденышко.

Он опускал голову, и лицо его обдавали соленые брызги родного моря. Томный и пронзительно-сладостный аромат женской чувственности мешался в его сознании с жаром горна, откуда он вынимал длинную заготовку для своего клинка и брался за молот, заранее наслаждаясь тяжестью инструмента и легкой усталостью. Обнимая девушку, стройную, как меч, гибкую, словно узорная сталь, которую Агнар и его дядя выковывали с таким трудом, молодой мастер испытал такое же наслаждение, как тогда, когда заканчивал работу над лучшим оружием.

Время от времени он понимал, что смотрит в ее глаза – они были глубоки и ласковы, но одновременно почему-то казались бесстрастными. Их взгляд до странного противоречил ее действиям, и может быть поэтому Агнару иногда казалось, что он тонет в них без возврата и теряет самого себя.

– Как тебя зовут? – едва слышно спросила она.

Он наконец услышал ее голос. Они лежали рядом, девушка пристроила голову на его правом плече, и он рассеянно гладил ее по руке – но левой все-таки придерживал пояс с мечом – и смотрел в густую листву, пронизанную солнечным светом. Звуки леса почему-то подступили к нему намного ближе, чем раньше, но он воспринял это со странным облегчением. Мир исчез – остался только лес, его звуки и запахи, и девушка рядом с ним, прижимавшаяся к нему с ласковостью кошки.

– Агнар, – ответил он. Голос его прозвучал глуховато.

– Я рада, – она приподнялась и наклонилась над ним, уронив несколько вьющихся прядей ему на грудь. Он смотрел на ее идеальной формы грудь и

хрупкое, белое, как алебастр плечо, на пальцы, такие изящные и тонкие, что сквозь них, как сквозь ушко ребенка, просвечивало солнце. Она провела ладонью по его бедру, потом поцеловала в губы. – Ты будешь моим гостем?

– Конечно, – ответил он.

Она снова приникла к нему и стала ласкаться. Он совершенно потерял голову, и какое-то время его не интересовало больше ничего, только она. Но оторвавшись от этой упоительной девушки, он машинально нашарил рядом с собой меч, и при одном прикосновении пальцев к кожаным ножнам с металлической оковкой, взгляд и сознание немного прояснились, и в глубине души он удивился, что солнце до сих пор стоит там же, где и раньше.

Девушка, – Агнар понял, что ее зовут Митиль, но откуда он это узнал, он и сам не понимал, – опять прижалась к нему, а потом потянула за собой. На ней снова была надета длинная рубашка, да и он одет, только ремень с перевязью опять тащил в руках. Прикосновение к мечу и здесь успокоило его. Впрочем, даже теперь его не интересовало ничего, кроме девушки, за которой он шел в глубину леса, словно теленок на веревке.

В какой-то момент молодой мастер обнаружил, что сидит за длинным столом, в уютном легком кресле, где они поместились вместе с Митиль. Стол был поставлен между деревьями, под кронами, пронизываемыми солнечным светом насквозь, и буквально ломился от яств, которым мужчина и названия-то не знал, и изящными кувшинами с неизвестными ему напитками. Агнар увидел, что за столом сидит множество людей в необычных, свободных одеяниях, с венками на головах, но они его совершенно не интересовали. Тут он понял, что девушка стоит перед ним с прозрачным блюдом, на котором лежит свернутая лепешка, политая медом.

– Возьми, съешь, – сказала она.

– Возьми, – повторили люди, сидевшие у стола. В какие-то моменты молодому мастеру казалось, что они ждут, когда он попробует предложенное лакомство, а через некоторое время – что они уже давно едят и пьют, и лишь приглашают его присоединиться.

– Возьми, – повторила Митиль и улыбнулась ему. Улыбку немного подпортило бесстрастное выражение ее взгляда – казалось, ей совершенно безразлично, съест ли он на самом деле лепешку, или нет.

Медленно, словно во сне, он взял кусок лепешки и положил ее в рот. Угощение показалось ему неправдоподобно вкусным.

Со вздохом облегчения девушка приникла к нему, поцеловала и, усевшись рядом, прижалась. Кто-то наполнил прозрачный хрустальный кубок и предложил его Агнару, и он, отпив из него, понял, что не может оставить ни капли напитка – настолько тот вкусен. Алое вино, – он не знал, как назвать его иначе, – приятно пощипывало язык, оно не было сладким и не было терпким, утоляло жажду и веселило кровь, и восприятие сразу же обострилось, стало глубоким, всесторонним. Отпивая из бокала, он то и дело целовал в губы Митиль, на ее губах он чувствовал вкус того же вина, и это необычайно волновало его.

Он едва ли воспринимал происходящее. Лишь тогда, когда рука его вдруг натыкалась на меч, неизменно лежащий рядом, в голове немного прояснялось, и он начинал понимать, что сидит за длинным дубовым столом, поставленным прямо в лесу, под кронами деревьев, или же танцует с Митиль какие-то странные танцы, или же лежит с нею на пышной охапке сухих листьев. Когда он сидел за столом, он замечал, что вокруг уже ночь, и зелень кое-где пронизывают слабые искорки звездного света, но притихший, окутанный мглою лес помимо того был освещен удивительными, должно быть колдовскими светильниками в виде больших хрустальных шаров, наполненных мягко переливающимся пламенем. Если же он танцевал или предавался любви, вокруг всегда царил полдень.

Но Агнар не видел в этом ничего странного. Он замечал присутствие магии, но молодого мастера это не удивляло, потому что воспринималось как должное. Чудесный лес, длинный пиршественный стол, укромные уголки в зарослях молодого орешника и Митиль стали его вселенной.

По крайней мере, на какое-то время.

Не сразу, далеко не сразу он смутно почувствовал – кажется, что-то идет не так.

Лежа на спине, он смотрел в пронизанные солнцем листья над головой и молчал. В голове медленно-медленно, будто преодолевая сопротивление, формировались мысли и образы, от которых он успел отвыкнуть. В частности, у него возник вопрос: «Что происходит?»

– Кто ты? – с трудом спросил он.

Голос, будто отвыкнув звучать, ему не повиновался. Он поспешил положить руку на меч, и стало немного легче.

Девушка гибко приподнялась и наклонилась над ним. Он ощутил ее тревогу.

– Почему ты всегда держишься за этот предмет? – спросила она, улыбаясь, и одновременно с кокетливой брезгливостью косясь на клинок. Но на этот раз он куда отчетливее заметил в ее взгляде равнодушие к его словам.

Агнар слегка потянул меч за рукоять, обнажил край клинка и положил на него ладонь. В голове совсем прояснилось, он приподнялся, сел и посмотрел на девушку. Та припала к земле, будто змейка, и настороженно следила за ним.

– Кто ты? – спросил он резко. Она молчала. – Говори.

– Разве ты не знаешь? – застенчиво улыбнулась девушка. – Меня называют Митиль.

– Ты альв, не так ли? – молодой мастер смотрел на девушку с притворным бесстрастием, но в душе у него медленно, но верно поднималось бешенство, смешанное с ужасом. – Ты – альв?

Она молчала и смотрела на него безжизненными глазами призрака.

– Ты – альв, – повторил он, все понимая. – Зачем тебе это было нужно?

– Оставь меч, – сказала она.

Митиль плавно поднялась с земли, и через мгновение уже была одета. От кокетства и милого женского лукавства не осталось ничего.

– Почему тебя так волнует меч? Ах да, – он перехватил ножны и вынул клинок. Полоса узорной стали вдоль дола блеснула матово и серебристо – так тщательно она была отшлифована. – Ведь альвы не могут коснуться железа, да?

– Могут, – презрительно бросила девушка. – Мы касаемся и при необходимости пользуемся железом. Ваш человеческий род полон предрассудков.

– Понимаю, – молодой мастер задумчиво изучал точеное лицо альвийки. – Железо препятствует наложению чар, правда ведь? Ладно. Я даже, пожалуй, не буду спрашивать тебя, зачем я тебе понадобился. Если ты сейчас выведешь меня отсюда обратно в мой мир.

Агнару показалось, что она колеблется, и он решительно направил на нее кончик клинка. Девушка поневоле бросила на металл опасливый взгляд, и личико ее на миг исказила гримаска, сделавшая ее из красотки уродливой гарпией. Это почему-то принесло ему облегчение, – теперь можно было поверить в то, что ее красота – это всего лишь альвийская магия.

– А ты думаешь, тебя порадует твой родной мир? – спросила она, выговаривая слова медленно и как бы с напряжением. – Здесь ты никогда не погибнешь, никогда не станешь жертвой болезни, и горе не коснется тебя здесь. Только веселье и радости…

– Я не желаю жить в этом вашем мире и хочу в свой, – раздельно, уже сдерживая ярость, произнес он.

– Ты мог бы остаться хотя бы ненадолго…

– Я сказал нет!

Он приподнял меч, как бы обозначая свои намерения. Неприятно было угрожать оружием женщине, но другого выхода он не видел. Лезвие блеснуло у самого горла альвийки – Агнар боялся коснуться ее металлом: мало ли что, вдруг она просто испарится, если ее потрогать мечом, кто их, нелюдей, знает – и девушка слегка улыбнулась. Улыбка показалась ему недоброй, впрочем, она быстро исчезла, и он, раздраженный, не обратил на нее внимания.

– Что ж… Идем, – певуче произнесла Митиль. – Хочешь обратно в свой мир – ты попадешь обратно.

Он быстро оделся, подтянул сапоги, машинально проверил, не выпала ли из-за голенища ложка, потом затянул на себе пояс. Все это время он не спускал глаз с альвийки – мало ли, вдруг решит исчезнуть – но та спокойно ждала его, стоя в двух шагах и даже слегка улыбаясь. Ее лицо с каждой минутой становилось все более похожим на человеческое, привлекательное лицо молоденькой девушки, но в душе Агнара клокотала такая злоба, что даже самая соблазнительная девица сейчас не вызвала бы у него ни малейшего желания. Застегнув пряжку, он угрюмо кивнул ей.

– Веди.

Она заскользила куда-то мимо него, и он едва удержался от того, чтоб не схватить ее за локоть. Шла Митиль так плавно и беззвучно, словно и вовсе не касалась земли, ей позавидовал бы даже самый умелый охотник. Молодому мастеру все казалось, что она вот-вот ускользнет от него, и прибавлял шагу. Он и так шел почти вплотную к ней.

Через пару сотен шагов она обернулась к нему.

– А теперь иди, – спокойно произнесла она.

– Это уже мой мир?

– Твой собственный мир еще не создан. Но именно в этом мире ты родился, – она помолчала. – А все же тебе стоило бы остаться здесь, у нас.

Он неожиданно для себя самого шагнул к ней, схватил ее за руку и сдернул с тонкого запястья узорный браслет. Альвийка вскрикнула, бросилась было к нему, но ее остановил блеск его меча, который Агнар пока еще не вложил в ножны. Беспокойство девушки из-за безделушки навело мужчину на мысль, что на всякий случай следует оставить у себя какой-нибудь залог ее честности.

– Когда увижу, что это действительно мой мир, вернусь и оставлю эту вещицу на пеньке, – сказал он.

– Ты никогда сюда не вернешься! – прошипела она. – Верни мне браслет.

– Как я сказал, так и будет, – и, повернувшись к ней спиной, торопливо зашагал вниз с холма.

У подножия он обернулся – девушки не было видно. Молодой мастер испытал одновременно и облегчение, и грусть. Он с усилием взял себя в руки и подумал, что в его крови еще бродит колдовство. Погруженный в свои мысли, он не обратил внимания ни на то, как буквально через десяток шагов изменился лес, и на странный, удушливый запах он тоже не обратил внимания.

Он миновал пышно разросшиеся кусты черемухи и остановился в изумлении. Дальше леса не было, и возвышенность обрывалась вниз, к черной, будто кусок пыльного обсидиана, дороге, по которой с огромной скоростью в ту и другую сторону сновали странные существа, похожие на гигантских блестящих разноцветных жуков. Неподалеку начиналось селение со строениями, в которых молодой мастер даже не сразу опознал дома. Эти конструкции были снабжены множеством больших окон и имели несколько этажей. Построены они были из камня, а может, и не из камня, лишь обмазаны глиной, но явно принадлежали не людям.

Он медленно, осторожно стал спускаться вниз по колкой и какой-то привядшей траве. Первую встретившуюся ему цветастую коробку с глянцевым блеском он опасливо обошел стороной, вторую аккуратно ткнул кончиком сапога. Ничего не произошло. Потом попалось нечто, напоминающее сумку, но из белого полупрозрачного материала, потом что-то еще, вовсе уже непонятного происхождения и назначения. Но, видимо, ненужное, потому что брошенное кое-как, грязное и неприятно попахивающее.

Агнару стало не по себе. Но, посчитав, что сначала нужно проверить, действительно ли альвийка обманула его, или же этот мир тоже принадлежит смертным, просто каким-то другим, осторожно двинулся дальше. Меч он держал наготове.

К черной дороге он приближался, стараясь следить также и затем, что происходит справа и слева. А заодно и сзади – оказавшись в этом странном, неправдоподобно-странном мире, он понимал, что может опасаться чего угодно. Подойдя к самой обочине дороги, он вынул меч и осторожно потрогал дорогу.

Она оказалась твердой, будто камень.

Мимо, обдав молодого мастера удушливой вонью, пронесся один из этих гигантских жуков, с визгом и скрипом остановился совсем рядом, и скандинав разглядел, что это не насекомое, а что-то вроде короткого корабля или закрытой ритуальной повозки с окнами, которая почему-то, – наверное, благодаря колдовству, – двигалась самостоятельно. А может быть, ее тянули за собой невидимые кони? Внутри сидели люди, но как только повозка остановилась, принялись выбираться из нее через странной формы двери.

– Эй, парень! – крикнул один из них. – Железяку продаешь?

Агнар смотрел на него, пытаясь сообразить, как себя следует вести. Язык явно был ему незнаком, однако он понимал все, что говорил ему незнакомец. И тон голоса, конечно, уловил, и неприятный запах перекисшего пива – тоже. Пьяны были все четверо, и молодой мастер вдруг понял – это люди, причем куда менее достойные уважения, чем он сам. Потому что мужчины так себя не ведут – лишь подростки, которых отцы вовремя не вразумили, могут поступать так глупо. Странные люди странного мира, ведущие себя чересчур развязно и очень неосторожно, так, будто мир лежит у их ног, и ничто не может оказаться сильнее их.

Молодой мастер испытал приступ омерзения и презрения.

– Я тебя спрашиваю, чувак – железяку продаешь? Я куплю. Сколько хочешь?

– Я не отдам тебе свой клинок, – холодно ответил Агнар. – Отойди.

– Тогда чего ты тут ею размахался, а? Ищешь неприятностей? Машину чуть не задел!

Скандинав холодно следил за каждым жестом незнакомца. Мало ли, вдруг эта уверенность коренится в каком-то таинственном боевом искусстве?

– А мужик-то вырядился, – развеселился еще один.

– Ага. Глянь на его ноги! Че, мужик, на ботинки денег не хватило? Так загони железяку и купи себе обувь.

– Че выпялился, а? – в юнце явно взыграло пиво. – Че глаза выпятил, ты, недоделок? – других слов, даже несмотря на чары, молодой мастер не понял. – Че, харю почистить, да? – и, шагнув к Агнару, замахнулся.

«Видимо, здесь, в этом мире, люди тоже не любят тех, кто отличается от них», – подумал тот. Бывший воин Хрольва Пешехода был достаточно разумным человеком, чтобы понять – если на его взгляд четверо парней, ехавших в крытой повозке, запряженной невидимыми конями, одеты более чем необычно, то и он на их взгляд, наверное, странен. Может, поэтому они и ищут ссоры с ним. Возможно, здесь так принято, и людей, чем-то отличающихся от остальных, немедленно уничтожают.

Однако уничтожить себя он позволять не собирался. Впрочем, судя по жесту – незнакомец попытался толкнуть молодого мастера в плечо, – нападающий имел лишь самое приблизительное представление о бое. Агнар не стал бить его мечом, просто оттолкнул, но уже так, как положено.

Парень полетел на черную, твердую, как камень, дорогу.

Но прежде, чем он вскочил, обиделись трое его спутников.

– Ах, ты так! – вскрикнул один из них, тот, что покрепче, и решительно двинулся на скандинава, делая угрожающие жесты.

– Да он просто напрашивается!

– Хочешь – значит, получишь, – бросил самый хлипкий и, похоже, самый пьяный из них и вытащил из-за пояса какой-то черный предмет.

От этого непонятного предмета отчетливо потянуло опасностью. Скандинаву трудно было представить себе, чем же таким может угрожать эта вещица размером с его ладонь, однако чутью своему привык доверять.

Он сделал шаг вперед и без затей, но и без спешки заехал хлипкому навершием меча в зубы, чтоб, по крайней мере, на какое-то время вывести его из строя. Схватившись за лицо, тот выронил черную штуку и упал на землю вслед за ней; опасный предмет Агнар на всякий случай отшвырнул ногой. Второму противнику молодой мастер двинул кулаком под дых. Живот у местного обитателя оказался на удивление нежным, тот прерывисто икнул, сложился вдвое и мягко повалился на землю – абсолютно беззвучно, корчась, словно червяк. Скандинав аккуратно положил меч у ног, перехватил руку последнего, еще не успевшего пострадать противника, и без затей врезал левым кулаком куда получилось. Под мозолистыми костяшками глухо хрустнула челюсть.

Развернувшись, он локтем подтолкнул своего противника и без труда сшиб его с ног, а затем, вложив меч в ножны, внимательно оглядел всех четверых. По крайней мере, двое нападавших, как он предполагал, должны были иметь возможность драться, однако они лежали и корчились от боли. Лишь самый первый, тот, которого он просто отшвырнул, приподнялся, но напасть не пытался, а бросился к чернеющей в траве опасной вещице, назначения которой молодой мастер не мог отгадать. Здесь все было просто. Скандинав догнал его в пару прыжков и пинком сшиб на землю, потом ударил еще один раз и, недоумевая, отошел от распластанного без сознания тела, пытаясь понять, почему здоровый и сильный вроде бы парень предпочел проиграть схватку, стоя на карачках, вместо того, чтоб выпрямиться и схватиться, как положено мужчинам.

«Должно быть, он предпочитает помощь колдовства», – подумал Агнар и решил не подходить к черной вещице. Мало ли какие сильные чары на ней лежат.

Он обошел четверых парней и с любопытством, но не без опаски, заглянул в крытую повозку, в которой они приехали. Правда, ничего особо интересного там не оказалось – два сидения, ложе со спинкой сзади, да еще большой круг у одного из двух передних сидений. «Точно ритуальное приспособление, – решил молодой мастер. – Раз наготове знак солнца. Странный, правда…» К невидимым коням он решил не приближаться, мало ли что, только аккуратно прикоснулся к кругу, обмотанному чем-то алым, плотным, вроде хорошо выделанной кожи, и, отвернувшись, стал подниматься по склону холма, направляясь туда, откуда собственно и пришел.

Воздух этого мира душил его. Меряясь силой с местными парнями, ему пришлось напрячься, и теперь он дышал так, будто принял участие в настоящей битве. Это

очень ему не нравилось. В сознание даже закралось смутное подозрение, что оттого местные ребята столь слабы перед лицом настоящего противника, что их такими делает воздух. «Ну, я покажу этой альвийке, – Агнар стиснул зубы. – Если не отправит меня обратно, я ее…»

Что именно он сделает с вероломной девушкой из народа альвов, молодой мастер не додумал. Ему не хотелось – он надеялся, что она просто отомстила ему за отобранный браслет. Безделушку, тем более, если та обладает магической силой, он готов был вернуть, лишь бы только попасть обратно в свой мир. «Вот так приключение… Интересно, что скажет дядя, – размышлял скандинав. – Его бы это, наверное, позабавило».

Лес встретил Агнара настороженным молчанием. Через пару сотен шагов дышать стало легче. Он устроился на поваленном на стволе дерева и задумался.

Отсюда нужно было выбираться, вопрос лишь в том, как снова проникнуть в цитадель альвов. А то, что это потребует усилий, было понятно. В мир альвов можно попасть лишь тогда, когда они сами готовы пригласить человека, либо же если смертный достаточно искушен в магии. О чарах молодой мастер знал немного – помнил он лишь те наговоры, которые дядя заставлял его шептать во время работы, да еще заклинания, которые проговаривались при варке металла. Но и ежу понятно, что этого недостаточно.

О том, как попадают в холмы, принадлежащие альвам, он ничего не слышал.

Но следовало придумать хоть какой-нибудь ход, хоть что-нибудь для начала. Быть может, потом происходящее подскажет, что сделать еще. Агнар попытался вспомнить, что именно он делал перед тем, как встретился с Митиль, а потом вспомнил о ее браслете, извлек его из-за пояса и повертел.

На первый взгляд это была хоть и изящная, тонкой работы, но все-таки довольно обычная поделка – полоса металла, похожего на серебро, изогнутая змеей, делающей полтора оборота вокруг предплечья. Ее покрывали кельтские символы, и именно за это он решил ухватиться. Но вещицу, наверное, надо было надеть.

Промучившись несколько минут, он все-таки сумел натянуть браслет на запястье. После чего в задумчивости отправился искать место, где повстречался

с девушкой в прошлый раз. Ему как-то не пришло в голову, что найти именно то самое место он не сможет ни при каких обстоятельствах, просто потому, что здесь оно уже не существует.

Впрочем, через некоторое время он понял, что это самое место ему и не нужно. Что-то случилось со зрением, в глазах периодически стало двоиться, и на месте молодого вяза он начинал видеть какое-то старое дерево, ствол которого покрывал темно-малахитовый мох, а крона возносилась высоко-высоко, – или же, наоборот, прогалину. Теперь Агнар шел медленно-медленно, буквально принюхиваясь на каждом шагу – он понимал, что если что-нибудь и поможет ему, так только внезапно и не без помощи альвийского браслета проснувшееся у него волшебное чутье. «Должно быть, время Майского праздника еще не прошло, – с облегчением подумал он. – И проход открыт».

Уже через несколько минут он понял, что выбрал правильный способ. Концентрировать внимание он умел – иначе не постигнуть сложнейшее, почти ювелирное искусство отделки оружия и украшений, или варки железа из руды. И теперь смог, напрягшись, «переключить» зрение с обычного на колдовское, так, чтоб видеть вокруг только альвийский мир.

Этот лес был, казалось, древнее самой древности. Ни одного молодого деревца, только старые патриархи, обомшелые, с длинными бородами лишайников на нижних ветвях, но крепкие и густо зеленеющие. Под ногами шуршала листва, сохранившая свои яркие зеленые краски всех оттенков, и кое-где пробивались редкие травинки. Здесь молодой мастер чувствовал покой и умиротворение, словно оказался дома. «Не поддавайся, Агнар, – сказал он себе. – Не поддавайся, иначе останешься здесь навеки».

Он шел вперед осторожно и бдительно, готовый при малейшем звуке спрятаться за один из стволов, но лес был совершенно безлюден. Опасаясь встречи с кем-нибудь из могущественных альвов, которые смогут защититься от его меча, скандинав решил не высовываться раньше времени. Сначала нужно было все разведать и убедиться, что он не наделает ошибок по недомыслию.

Он предполагал, если идти прямо и прямо, то рано или поздно он наткнется на альвийское селение, и, видимо, найдет тот самый пиршественный стол, за которым провел так много времени. Но встречаться с большим количеством альвов сразу ему как-то не хотелось. Он предпочел бы, образно говоря, оттащить в сторонку кого-нибудь одного и разобраться с ним. Агнар был уверен,

что любой альв, кого ни возьми, сможет отправить его обратно в его время.

Вскоре тесный браслет, кольцо которого почему-то никак не удавалось разомкнуть, стал давить на запястье настолько, что уже не было сил терпеть. Помучившись несколько минут, он все-таки стянул его с руки. Оглядевшись, молодой мастер убедился, что снятие браслета не выкинуло его из альвийского мира. Решив, что он уже достаточно далеко зашел, скандинав успокоился и направился дальше уже более уверенно.

Тот момент, когда стволы вдруг сменились колоннами, а вместо зеленых крон над головой вознесся купол, сложенный из пластин полудрагоценного камня и хрусталя, отшлифованных до тонкости древесного листа, он не сразу заметил. В этом куполе были прорезаны узкие отверстия, звездой сходившиеся к центру, окнами их нельзя было назвать, но зачем еще могут быть нужны подобные «бойницы», Агнар не представлял. «Наверное, чтоб дождем заливало», – ухмыльнулся он.

Дальше край свода чуть понижался и превращался в изысканную ступенчатую арку, которая вела в каменный коридор. От красоты этого архитектурного чуда у молодого мастера перехватило дух. Первые несколько мгновений он просто любовался восхитительным каменным кружевом, к тому же, таким естественным, что в его рукотворность трудно было поверить. Потом мастер в нем победил зеваку, и скандинав принялся разглядывать свод и колонны, пытаясь разгадать, как это было сделано, и как можно было бы повторить.

В переплетении узора он в конце концов отыскал знакомые руны и символы, но прочесть их значение не сумел. Поколебавшись, он вошел в коридор, при ближайшем рассмотрении оказавшийся таким огромным, что здесь без труда поместился бы самый большой норвежский дом из тех, которые Агнару доводилось видеть. Капители колонн, поддерживающие каменный свод, возносились на непостижимую высоту. «Это могли строить только великаны, – решил Агнар. – Или же чары. Сильной же магией должен обладать тот, кто все это возвел».

Коридор постепенно раздался и превратился в зал, свод ушел вверх и потерялся в полутьме.

Агнар внимательно огляделся и понял, что стоит в огромной пещере, стены которой усыпаны мягко искрящимися друзами. Подняв голову, он разглядел под потолком широкую золотую жилу – ему однажды случилось увидеть такую на севере – разумеется, не тронутую, лишь вскрытую. Похоже, альвов мало интересовало золото. Жила начиналась где-то у основания одного из стрельчатых, узких, как лезвие клинка, и очень высоких бойниц, стремительно расширялась и, загадочно извиваясь, уходила во мглу свода.

Свет, падавший из стрельчатых окон, прорезанных в толще скалы, скрещивался над плоским камнем, на котором была вырезана узорная лента из переплетающихся символов. Он был пуст, и, подойдя к нему, молодой мастер в задумчивости положил на него браслет альвийки.

Зал казался поистине бесконечным, и потому в глаза не бросались террасы, короткие нефы и альковы, которых здесь в действительности было немало. Вертя головой, скандинав шел все дальше и дальше в глубину зала, но, опасаясь выходить далеко на открытое место, старался держаться у стены. Правда, получалось это далеко не всегда, и тогда он держался колоннады, или же просто срезал получившийся угол. Ему казалось, что, ступая по каменному полу этой пещеры, он совершает путешествие по миру, и хотелось ему только одного – ничего не упустить.

Но это было так же невозможно, как за пару дней познать все тайны бытия. Рассматривать пещеру и ее убранство можно было, пожалуй, на протяжении всей жизни.

Он остановился у тончайшей, почти прозрачной кисеи, закрывающей вход в один из закутков. Сначала ему показалось, что вход загораживает полоса света, лишь чуть плотнее, чем любой лучик, сумевший пробиться в зал сквозь пластинки слюды в свинцовом переплете окна. Но потом, решившись тронуть преграду рукой, обнаружил, что касается шелковой ткани. «За такую ткань любая валландская богачка отдала бы все, что у нее есть, – ухмыльнулся Агнар. – А моим соотечественницам она ни к чему. Наверное, в ней очень холодно».

Пытаясь найти, где же полог заканчивается и где мимо него можно проскользнуть, он с увлечением размышлял о том, как выглядела бы хорошенькая девица, завернутая в платье из такой вот ткани. Не найдя конца, молодой мастер досадливо плюнул и просто поднырнул под нижний край. Ныряя, он опасался, что здесь его ждет какая-нибудь хитрость, которая может

стоить ему жизни, но к счастью никаких неприятных сюрпризов не встретил.

Закуток оказался сравнительно небольшим – это была ниша, аккуратно выдолбленная в скале, достаточно высокая и широкая, чтоб двигаться в ней без опаски, но не такая огромная, чтоб почувствовать себя неуютно. Каменные, искусно отшлифованные стены, как в жилом доме, украшали тканые и вышитые гобелены, а также два кольца для факелов, – видимо, рассчитанные на ночное время, поскольку сейчас, чтоб все подробно рассмотреть, Агнару вполне хватало света, падавшего из окна. На полу стоял большой светильник, полный масла, а на массивном валуне, обтесанном в форме полукруглого «стола» – переливчатая чаша, выточенная из хрусталя, в которой что-то загадочно играло, словно горный ручеек.

Он подошел и заглянул внутрь. Сначала ему показалось, что в воде, бурлящей на дне, извивается белая змея, но потом он понял, что это не так. В чаше действительно упруго бил родничок, и происходи это где-нибудь еще, а не в альвийском святилище, как скандинав окрестил это место, чаша почти мгновенно наполнилась бы, и вода полилась бы через край. Здесь же струя родничка лишь слегка волновала поверхность, однако вода оставалась на одном и том же уровне.

Агнар наклонился над чашей, и ему в лицо дохнуло сладостной свежестью. Во рту пересохло, и, вряд ли задумываясь о том, что колдовство, пропитывающее все здесь, а в особенности странный родничок, может оказаться смертельно опасным, он погрузил заскорузлую, потемневшую от грязи ладонь в воду и поднес ее к губам.

На вкус это была самая обычная талая вода из горного ручья. Именно такая, какую он пил, когда десятилетним мальчишкой вскарабкался на утес, считавшийся почти неприступным, и отдыхал на камне над морем. Мимо этого камня, обрываясь со скалы тонкой прерывистой струйкой, тек ручей, и вода из него была напитком триумфа, угощением удачи, лакомством взрослости – раз уж удалось туда добраться.

Агнар погрузил в чашу обе ладони, и кожа на них стала белеть. Казалось, будто вода вымывает из складок и трещинок пыль и золу, от которой не защититься ни одному кузнецу. Недоумевая, он вынул ладони из чащи, посмотрел на них и осторожно потер ими лицо, пригладил волосы. Странное чувство облегчения и обновления охватило его…

– Как ты посмел?! – раздался вдруг низкий, чуть вибрирующий голос так гневно, что молодому мастеру показалось, будто на него закричали. Он обернулся – рукой отведя в сторону полог, у входа в нишу стоял невысокий черноволосый альв. Лицо его было похоже на маску, вырезанную из дерева, оно не имело примет времени, и потому Агнару показалось, будто это существо живет под луной с незапамятных времен. Фигуру альва скрывали потоки тонкой светлой материи, но даже при этом скандинав угадал, что он прекрасно сложен и широкоплеч. «А говорят, будто альвы слабы телом», – подумал он.

В руках у черноволосого был длинный посох с затейливым навершием, руки унизаны браслетами, но бывший сподвижник Хрольва Пешехода почему-то сразу подумал, что дело здесь не в желании пощеголять богатством. Браслеты наверняка были сильнейшими магическими артефактами. Как, впрочем, и сам посох.

– Как ты посмел коснуться Змеиного источника? – со сдерживаемым гневом повторил альв, и молодой мастер догадался – если он чувствует, насколько собеседник разъярен, значит, тот хочет этого.

– Если бы одна из твоих девиц не поиграла со мной, будто с дешевой безделушкой, я бы и не оказался здесь, – огрызнулся Агнар. Как бы там ни было, трепетать перед альвом-колдуном он не собирался. – Ей стоило лишь отправить меня в мой мир, и я не стал бы возвращаться.

– Митиль вернула тебя в твой мир, – холодно ответил черноволосый.

– Ложь! Что ты думаешь, я не узнаю мир, в котором родился?

– Ты увидел свой мир таким, каким он стал через тысячу лет после тебя.

– Это что, вроде как шалость одной из ваших? – взвился скандинав. – Замечательно.

– Она предлагала тебе остаться.

– Чтоб я жил здесь? В качестве кого? Ее раба?

Альв поморщился.

Но тут полог снова шевельнулся, и рядом с черноволосым появился другой альв, светлоголовый и, похоже, намного более юный. Глаза у него были юркие, как рыбки, и только явный нечеловеческий дух делал их бесстрастными до прозрачности. Он держал в руке браслет Митиль и смотрел на Агнара. Как показалось последнему – с любопытством, хотя здесь скорее виновато было его воображение.

«О, как кстати», – подумал он. Справиться с черноволосым молодой мастер не рассчитывал, но тот противник, помоложе, не казался ему опасным. То есть, конечно, если действовать с умом.

Скандинав рванулся вперед именно тогда, когда было нужно. Подбил альва под колени ногой – это оказалось не сложнее, чем драться с каким-нибудь деревенским увальнем, – схватил его за волосы и задрал ему подбородок. От прикосновения ножа к горлу светлоголовый поежился – может, лишь чуть сильнее, чем любой несдержанный смертный человек в его ситуации. Ощущение острой грани ножа у кожи холодит близостью смерти, мало кто способен отнестись к этому спокойно. А альва еще подхлестывало прикосновение металла, лишавшего его магической силы.

Впрочем, этого Агнар знать не мог. Зато он все-таки заметил тень смятения на лице черноволосого альва. Тот даже шевельнул было своим посохом, но остановил движение на полпути. На нож у горла своего молодого помощника он смотрел, как человек может смотреть на ядовитую змею, приготовившуюся к прыжку ему на грудь.

Юный альв замер под руками человека.

– Чего ты хочешь добиться этим? – процедил черноволосый, не двигаясь с места.

– Отпусти меня обратно в мой мир.

– Тебя никто не держит. Митиль отпустила тебя, ты сам вернулся.

– Издеваешься? Мне не нужен этот мир. Если говоришь, что это он, но через тысячу лет, то верни меня обратно в прошлое. Верни меня в то прошлое, которое мне привычно. – Агнар торопливо соображал, правильно ли он выразился. Но в глубине души понимал – если здешние правители не захотят отправить его обратно в его время, то ничто не сможет поколебать их.

Старый альв посмотрел на человека, потом перевел взгляд на чашу, а потом – снова на человека. Лицо его окаменело и стало совсем безжизненным.

– Отпусти моего сына и отправляйся к людям. То, о чем ты просишь, невозможно.

– Лжешь! Ты можешь. Вот и делай. Это твоя девчонка виновата в том, что я здесь оказался.

– Тебя никто не тащил к нам силком, – губы альва вытянулись в ниточку. Скандинав угадал в его взгляде презрение и озверел. – Ты сам захотел этого.

– Твоя девчонка меня околдовала.

– Лишь тот, кто хочет быть околдован, поддастся чарам.

– В самом деле? – молодой мастер подтянул подбородок светлоголового еще чуть выше и прижал нож. Прежде он не чувствовал дыхания своего пленника, словно его и не было, но теперь ощутил биение крови под тонкой кожей и прерывистый вздох. Тому явно стало не по себе. – Что ж, думаю, теперь я не захочу поддаться твоим чарам. И сделаю все по-своему.

– Отпусти моего сына. Я все равно не могу отправить тебя в прошлое.

– Правда? Тогда твоему сыну чертовски не повезло… Ну, скажи это ее раз. Точно не можешь? Так уж и быть, убью его быстро и почти безболезненно. Раз уж не можешь.

– Ты понимаешь, что тогда с тобой произойдет?

– Вряд ли. Мне привычки альвов не известны. Но могу догадаться. Однако твоему сыну это не поможет.

– Тебе – тоже.

– Ну, хоть на душе станет приятнее, – с деланной беззаботностью улыбнулся Агнар. Он не боялся пронзительного взгляда альва и того, что тот может прочесть в его душе – ему действительно было спокойно. Он знал, что рука не дрогнет.

– Зачем выбирать смерть, если можно выбрать жизнь, пусть и непривычную?

– А я не привык позволять кому-то указывать мне, где и как жить.

– Даже своему хевдингу? – сдержанно усмехнулся альв.

У молодого мастера окаменели скулы.

– Какое тебе дело до меня и моего хевдинга? Что ты понимаешь в людях?

– Я понимаю много больше, чем ты, – черноволосый звучно стукнул по камню посохом. Юноша под рукой скандинава слегка вздрогнул. – Подобных тебе я изучил хорошо. Когда я был молод, я долго следил за вами и понял, что в большинстве случаев вами движут примитивные желания. Но чтоб ради убийства забыть о собственной жизни!..

– Как я и думал, ты не много знаешь о людях. Мне надоело болтать о ерунде. Отправляешь меня в прошлое? Нет? – и он демонстративно перехватил нож, хотя мог распороть альву горло и из прежнего положения. Но ему же хотелось не убить, а выжить самому…

– Не надо! – на долю мгновения потеряв сдержанность, черноволосый подался вперед.

– Не подходи, – предупредил Агнар.

– Постой. Я сделаю, как ты просишь. Но отпусти моего сына.

– Отпущу – и никуда не попаду, да?

– Я клянусь тебе, – лицо альва дрогнуло. – Я все равно не могу проделать этого здесь. Вот там, в глубине святилища, есть круг. Мы должны подойти к нему.

– Вставай, парень. Пойдем, – скандинав поднял своего пленника и, не отрывая ножа от его горла, потащил его за собой.

– Ему еще нельзя в святая святых!

– Придется тебе с этим смириться, старик.

Они направились в темноту святилища. Теперь Агнар уже поневоле не смотрел по сторонам – он следил только за юношей, в голову которого вполне могла прийти бредовая мысль пожертвовать собой во имя святыни своего народа. Альв, которого скандинав назвал стариком, тоже держался напряженно – по нему нельзя было сказать, какие чувства обуревают его, но двигался он угловато, держался чересчур прямо, и, судя по всему, находился на той узкой грани, за которой уже не сможет совладать с собой.

Им всем было здорово не по себе.

Черноволосый остановился прямо под одним из световых колодцев, и молодой мастер разглядел на каменном полу мозаику – две затейливо сплетающиеся змеи, вписанные в круг. Альв положил посох у змеиных голов и нехотя взглянул на Агнара.

– Тебе придется отвернуться.

– Сочувствую тебе, старик, но делать этого не буду.

Тот слегка пожал плечами, отвернулся и сложил ладони над навершием посоха. Камень, вставленный в него, засветился приглушенным алым светом. Скандинав из любопытства скосил глаза на своего пленника – тот стоял зажмурившись. Должно быть, не решался нарушать традиций своего народа и смотреть на то, к чему еще не готов.

Свет озарил ладони альва, потом его локти. У змей на мозаичном круге засияли глаза, они налились сначала кроваво-красным, потом изумрудным, потом

небесно-синим светом. По жестам и знакам старика молодой мастер, конечно, ничего не мог понять, да и не пытался – он просто надеялся на то, что получит желаемое, и еще в этом году сможет обнять бабушку и поприветствовать супругу своего дяди, ждущую известий о нем в Норвегии.

Альв отступал от круга медленно, будто боялся спугнуть приготовившегося к атаке зверя. Круг заволокло синеватым, прозрачным туманом, полосы которого тянулись также и к ладоням чародея. Свет, прежде тянувшийся бледной полосой от светового колодца к полу, внезапно заполонил все пространство, осветил арки и даже своды, возносящиеся на недосягаемую высоту. Арки заманчиво переливались, они были отделаны цельными друзами, может быть хрустальными, может быть состоящими из драгоценных камней.

В вершины арок были вставлены резные куски прозрачного камня, с которого свет стекал, будто капли воды. По стенам струились два ручья, один справа, другой слева, и вливались в глубокие ониксовые чаши, размеры каждой из которых были достойны бассейна в римских термах. Теперь в них заиграло то же голубоватое сияние, которое наполняло святая святых альвийской пещеры. Засияли острые тонкие зубы сталактитов, сгрудившихся над змеиным кругом, и молодому мастеру показалось, будто они изваяны из отличного, полупрозрачного алебастра, который пронизывают лучи холодного света.

Альв обернулся и посмотрел на Агнара.

– Отпусти моего сына.

– Сначала отправь меня в мой мир, – сказал тот, впервые чувствуя, как в глубине души смерзается комок страха. Прикосновение к магии слишком опасно для человеческой души, и чем все это может закончиться – неизвестно.

– Я не собираюсь отправлять туда заодно и своего сына, – сухо ответил альв. – И так это деяние будет стоить мне нескольких сотен лет.

– Ты же бессмертный, какая тебе разница, – пробормотал скандинав.

Черноволосый взглянул на него с таким презрением, какое только смог выразить.

– На свете нет ничего бесконечного, – изрек он, едва разомкнув губы. – Заклинание готово. Отпусти моего сына и вставай в круг. Я завершу его.

Опасаясь подвоха и готовый обороняться от любой напасти, Агнар оттолкнул от себя молодого альва – тот поспешно отскочил в сторону, повинуясь жесту отца – и неуверенно перешагнул грань голубоватого сияния. Ничего не произошло, только в какой-то момент стало холодновато.

Альв поднял с камня посох и направил навершие в плотную друзу сталактитов.

– Что ж, – отчетливо и внятно произнес он. – Отправляйся туда, куда ты так рвался, – тут его лицо исказила мимолетная и малоприятная гримаса, и молодого мастера укололо предчувствие беды. – И я рассчитываю, что ты испытаешь достаточно боли и ужаса, прежде чем твоя душа попадет на службу вашим жестоким богам.

Черноволосый чародей резко опустил ладони, и мир померк для молодого мастера.

Глава 3

Лицо грели нежные прикосновения солнца, постепенно его жар усиливался. Солнце, светоч жизни, торопилось вернуть к бытию молодого кузнеца, бывшего сподвижника Хрольва Пешехода. Сначала Агнару показалось, что он полез в горы за птичьими яйцами, да и заснул на мху, потом – что он гулял в лесу, улизнув от товарищей под предлогом поиска дерева под мачту, и, утомившись, прикорнул на пригорке.

Только потом он вспомнил обо всем, что с ним произошло.

Молодой мастер рывком поднялся, сел и затравленно огляделся. Вокруг него зеленела трава, над головой смыкались кроны деревьев с небольшими прогалинами, сквозь которые на мужчину смотрело солнце, а стволы деревьев были такие мощные, такие неохватные, что ему показалось, будто он вдруг сам стал волшебным существом не больше локтя в высоту. Ужас оглушил его, но

мужчина не был бы мужчиной, если бы не смог взять себя в руки. Переждав несколько мгновений, он медленно встал и сделал несколько шагов.

Он нисколько не изменился, разве что испытывал странную слабость в теле, и сознание было замутненым. Одежда, обувь, пара украшений, оружие – все осталось таким же, все было при нем. Для уверенности он вынул из ножен меч и внимательно его осмотрел. Все та же узорная сталь дола, серые стальные края остро заточенного клинка, все та же его работа. Эта мысль успокоила его – с оружием всегда лучше, чем без него.

Он подошел к одному из деревьев, провел ладонью по коре, покрытой мягким мхом. Ему не сразу удалось узнать в дереве вяз, но узнав, он немного успокоился. Как-то намного легче было находиться в этом лесу, где все узнаваемо, хоть и чересчур велико. «Должно быть, здесь не бывает сильных бурь, и никто не вырубает подходящие для строительства стволы… Не вырубает?»

Агнару стало не по себе. Он не узнавал этого места, он был уверен, что никогда тут не был. Возможно, альв отправил его в какую-то другую область Островов? Молодой мастер быстро перебрал в памяти требование, выдвинутое им чародею, а также и слова, сказанные альвом напоследок. Разумеется, его очень интересовало, что тот имел в виду. О каком ужасе и о каких богах он говорил? И тут скандинав сообразил, что не сформулировал свои слова как должно.

Его посетила догадка, что, пользуясь неточностью, чародей мог зашвырнуть его куда угодно в прошлое. Даже в те времена, когда, если б все гало своим чередом, успели бы родиться и умереть его правнуки и прадеды… О разнообразии времен и эпох он имел самое приблизительное представление. В те времена, когда он долгими зимними вечерами в Согнефьорде работал у очага и слушал истории о былом, его больше всего интересовали битвы, подвиги и похождения знаменитых мужей. Что он знал о прошлом своей родины? Немного.

«Надо найти кого-нибудь из местных», – подумал он и слегка приободрился. По одежде местного жителя он сможет понять, угадал ли чародей с эпохой, или же стоит начать волноваться. Он понимал, что сумел найти и проникнуть в обиталище альвов по чистой случайности. Сделать это еще раз ему не удастся.

А тем временем голод давал о себе знать. Угощение, съеденное в гостях у альвов, уже давно отдало его телу все, что могло. Агнар мысленно обыскал себя. С мечом на зверя не пойдешь, а нож, что уж там говорить, поможет не во всех случаях. Для охоты нужны лук или копье, но ни того, ни другого у него нет, и добыть неоткуда.

«Придется все же найти местных и как-то поладить с ними, – невесело подумал скандинав. – Иначе будет тяжело».

Он шел по лесу, и ему порой казалось, будто он не в лесу, а в огромном, достойном великанов чертоге. Стволы-колонны поддерживали зеленый свод, который возносился на такую высоту и был так густ, что дуновение ветра совсем не чувствовалось, трава и папоротники сошли бы за пышный ковер, вышедший из рук самой искусной и немного сумасшедшей в своем мастерстве ткачихи. Не хватало лишь гигантской утвари и мебели.

А потом из-за одного из стволов, буквально в трех-четырех шагах от него, появился молодой парень в синей одежде. У него были длинные темные волосы, зеленая ветка в руке и отрешенный взгляд.

– Э-э… Привет, – сказал скандинав на нейстрийском наречии. Он пытался придумать, что б еще такое сказать, чем объяснить здесь свое пребывание и дать понять, что намерения у него самые благие. Но ничего не успел выдумать.

Обитатель удивительного леса, увидев чужака, негодующе вскрикнул, уронил ветку и бросился на Агнара. Он занес руку для удара довольно умело, – это молодой мастер отметил машинально, – и былой сподвижник Хрольва Пешехода едва успел уклониться. Местный житель оказался боек, так что, спасаясь от очередной атаки, скандинаву пришлось броситься на землю.

Такое общение мигом выветрило из его головы любые мысли о дипломатии. Когда его пытались бить, он дрался. Вся предыдущая жизнь научила его, что в подобной ситуации нельзя думать ни о чем, кроме как о необходимости оказать достойное сопротивление.

Они сцепились и покатились по траве, ударяясь боками о выступающие корни деревьев. Парень в синем яростно нападал на своего противника, но тому, более опытному, через несколько минут все-таки удалось перехватить мелькающие в

воздухе руки, и дать местному обитателю по переносице. Удар был точен, он пришелся именно туда, куда нужно, ни на волос ниже, и нос уцелел. Но парень на какое-то время затих.

Тяжело дыша, Агнар поднялся с земли.

– Как же вы гостеприимны! – сказал он, отдуваясь.

Однако развить мысль ему не удалось.

Отвернувшись от поверженного, он огляделся по сторонам, решая, что предпринять теперь – и уткнулся взглядом в небольшую группку людей, сгрудившихся у того самого дерева, из-за которого вынырнул нападавший. Человек восемь, не больше. Часть из них была одета в синее, двое – в зеленое, один, самый старший, был облачен в белоснежную хламиду. Именно его взор выражал угрозу, именно его жест однозначно дал молодому мастеру понять – никто с ним не станет разговаривать.

А отобьется ли он от всех разом – это еще большой вопрос.

Он развернулся – и бросился бежать.

Вслед ему раздался крик на непонятном ему, довольно певучем, звучном языке – отрывистая, колкая фраза, в тоне которой Агнар угадал приказ. Даже не оборачиваясь, он понял, что кричал тот самый, в белом. Он успел мельком рассмотреть его – старик с длинными седыми волосами, схваченными в конский хвост, с жестким лицом воина и правителя. Должно быть, он из тех, кто здесь имеет право распоряжаться судьбами и жизнями. «Не стоит попадаться в руки его людей», – подумал он.

Молодой мастер несся по лесу, размеренно и глубоко дыша; время от времени он оглядывался – они бежали за ним следом, будто стая гончих за оленем, причем совершенно беззвучно. Порой ему даже казалось, что не люди гонятся за ним, а привидения, возжелавшие его крови, и от этого жуть подкатывала к горлу, и он бежал еще быстрее.

Молодой воин был весьма вынослив, он рассчитывал утомить преследователей долгим бегом и тем самым оторваться от них, однако они не отставали. Иногда кто-то из них все-таки шуршал травой, палой листвой или хрустел веточкой под ногами, и это успокаивало Агнара – хоть ребята и тренированные, но они люди, а не духи. А раз люди, то он вполне может оказаться сильнее их.

В какой-то момент он немного оторвался от них, удачно выбравшись на ровное гладкое место без густой травы и корней. Лес вокруг постепенно мельчал, становился проще и обычней – здесь появился и древесный молодняк, и небольшие буреломники, и пышные заросли травы вперемежку с крапивой на скудных прогалинах. Обогнув один из таких участков, скандинав на бегу нагнулся, подхватил с земли толстую узловатую палку и, дождавшись, когда из-за купы зелени выскочил первый преследователь, метнул палку в него, целясь по ногам.

Парень в широком синем балахоне отреагировал мгновенно – надо было отдать должное его реакции и тренированности, – легко и довольно высоко он подпрыгнул на бегу, но край крепкой льняной рубахи остался внизу. Узловатая палка запуталась в ткани, и преследователь споткнулся, со всего маху полетел на землю, заодно сшиб бежавшего следом за ним. Агнар, надеясь, что это задержит их всех, припустил еще быстрее.

Он вбежал на пригорок, едва успел остановиться в шаге от обрыва в глубокий овраг, на дне которого тек чахлый ручеек, пробежал с десяток шагов по его краю и вскочил прямо на обтесанное временем бревно, перекинутое на другую сторону. Он пробежал по нему с ловкостью акробата и, отпрыгнув в сторону, затаился в густых зарослях.

Преследователи вскочили на то же самое бревно несколькими мгновениями позже. Один из них, пробежав по нему полпути, остановился, огляделся и что-то крикнул своим товарищам. Они отозвались, один из них побежал дальше по краю оврага.

Язык был певучим и живым. Молодой мастер не знал его, конечно, однако кое-какие слова показались ему знакомыми. Живя в Нейстрии, он поневоле научился понимать тамошние диалекты, а поскольку на побережье часто появлялись торговцы из Британии, стал кое-как понимать их язык. Только понимать – не говорить на нем. Юный ум пластичен и восприимчив – Агнару хватило буквально трех-четырех месяцев плотного общения с выходцем из Валлии, – тамошний

купец привез много ценного товара, заинтересовавшего людей Хрольва, и застрял при герцогском дворе по множеству приятных и неприятных причин, – чтоб приучиться разбирать и его диалект.

И теперь он уловил знакомые мотивы в речи преследователей.

«Неужели они валлийцы? – удивился скандинав. – Далеко ж меня занесло».

Преследователи перекрикивались, они искали свою жертву, это молодой мастер смог понять. Он сидел в кустах неподвижно и напряжено наблюдал за их действиями. Те, кто шарил по той стороне оврага, были ему понятны, а вот тот, который замер, стоя на бревне, прямо над ручейком, вызвал его недоумение и насторожил. Парень в зеленом выставил перед собой ладонь, поводил пальцами, а потом вынул из-за кушака что-то небольшое, коричневое, и поднял к глазам. Убрал пальцы, и коричневый обломочек застыл в воздухе, будто подвешенный на невидимой нитке.

Он мягко колебался в воздухе, а потом слегка сдвинулся. Преследователь в зеленом тоже повернул голову и посмотрел прямо на кусты, в которых сидел Агнар.

«Ну, не обессудь, парень, – подумал тот, выдергивая нож. – Раз уж ты магию пустил в ход».

Он слегка отвел мешающие ему ветки и метнул нож. Тот был не слишком удобен для метания, его сделали для другого, но расстояние оказалось не так уж велико, да и сноровка никуда не делась. Местного просто смело с бревна.

Молодой мастер вынырнул из кустов, пробежал по бревну и помчался в лес, стараясь держаться направления, откуда прибежал сюда. Возвращаться в тот лес, который больше напоминал чертоги великанов, он не собирался, и пробежав немного, свернул. Места эти он не знал, но прикидывал, что сможет выбраться куда-нибудь в другое место, более безопасное – у него уже закрадывалась мысль, что местные взбесились оттого, что застали его там, где чужакам не следовало находиться. Мало ли таких мест, может, это было святилище, или вроде того…

«А может, действительно что-то вроде священной рощи? – подумал он на бегу. – Эк я неудачно попал…»

Он несся, не сбавляя скорости, чувствуя спиной – они опять бегут следом за ним. То ли увидели, то ли услышали, то ли почувствовали, как он побежал обратно, то ли кто-то еще из них владеет магией. Как бы там ни было, но Агнар начал понимать, побег ему не удастся. Надо было придумать что-то еще, причем быстро, ибо местным не составит особого труда рано или поздно загнать его в закоулок, откуда выбраться смогут только они. Прижмут к какому-нибудь обрыву, скале или непроходимому завалу – и все.

Он выбрался из густого ельника, поднялся на очередной пригорок – и выбежал из леса. В десятке шагов от того места, где он оказался, вилась тропинка, она описывала дугу вокруг малинника и спускалась к селению. Молодого мастера поразили дома – они были довольно широкими, круглыми, похожими на шатры, с покатой тростниковой крышей. Селение располагалось в долине, в разных направлениях перегороженной густыми и довольно мощными плетнями, предназначенными для удержания скота. Должно быть, обитатели этого села в первую очередь заботились о своем скоте.

На тропинке в сотне шагов от себя скандинав увидел группку молодых женщин в длинных простых платьях и широких пестрых плащах, из верхнего края которых каждая из них соорудила капюшон от солнца на свой вкус. Они оглянулись на мужчину; Агнар ждал испуганных воплей и визгов, однако ничего подобного не последовало. Часть женщин помоложе немедленно подалась назад, остальные выхватили из-за пояса ножи, а одна громко и пронзительно закричала, впрочем, без излишней нервозности. Пожалуй, даже не закричала, а позвала, и молодой мастер даже понял, что именно: «Эй, сюда! Тут чужой!»

«Вот ведь!» – скандинав мысленно выругался и повернул, в надежде обогнуть селение.

Но было уже поздно. Из селения бежали мужчины, вооруженные чем попало – копьями, дубинками, даже просто ножами. По виду – обычные крестьяне, но их было много, и воин понял, что проиграл.

Его настигли у одного из плетней, накинулись и повалили. Он сопротивлялся яростно, одному раздробил челюсть, другому врезал в ухо и опрокинул на траву,

но нападающих было слишком много. Да и драться они все, похоже, умели отлично. Один из местных, здоровенный широкоплечий мужик с огромными, будто валуны, ладонями налег на Агнара, и тот почувствовал, что еще немного – и его просто расплющит, как зерно между жерновами.

Обитатели селения скрутили викинга и поставили его на ноги. Когда у него прояснилось зрение, он обнаружил, что вокруг него стоят не только местные крестьяне, но и преследовавшие его парни в балахонах, а также старик, облаченный в белое. Тот самый, который указал своим перстом на чужака и приказал его ловить.

Скандинав удивился, когда это старикан умудрился добраться до селения одновременно с ним, а ведь из местного патриарха, – если это, конечно, действительно основатель рода, прародитель местных крестьян и скотоводов, а не какой-нибудь жрец, принесший обет безбрачия, – только что песок не сыплется.

Старик стоял, опираясь на резной посох, и смотрел на Агнара с холодным бесстрастием. Только теперь молодой мастер обратил внимание на то, насколько статен, крепок и свеж этот благородный патриарх, проживший добрых восемь десятков лет. Когда он шагнул к пленнику, перед ним расступились торопливо и почтительно. Он что-то сказал – голос был ясный и совсем не старческий. Скандинав не понял ни слова. Несколько мгновений все молчали, глядя на него, должно быть, ждали ответа. Не дождавшись, старик небрежно махнул посохом, отвернулся и неспешно пошел к лесу, а пленника поволокли в селение.

Мысленно Агнар простился со своей короткой и такой беспокойной, но позарез ему нужной жизнью. Впрочем, смотреть смерти в лицо ему приходилось и прежде, и потому молодой мастер чувствовал удивительное спокойствие. Все – так все. Такова жизнь.

Его успокоил собственный фатализм, и он стал с любопытством оглядываться по сторонам. По его мнению женщины, встречавшиеся по пути, – они поглядывали на чужака слишком откровенно, даже оценивающе, – одевались не слишком прилично. Возможно, по причине теплого времени они были в простеньких тонких рубашках, и по тому, как ткань обрисовывала разгоряченные солнцем тела, легко догадаться, что никакой другой одежды на них не имелось. Кое-кто из них накинул плащ, но многие и этого не сделали.

Возможно, ходить в одной тонкой рубахе по селению здесь считалось допустимым и даже вполне приличным.

Молодой мастер не мог удержаться от того, чтобы не полюбоваться местными красавицами. Все они были темноволосые или темно-русые, в родной же Агнару Норвегии идеалом красоты считалась женщины с густой копной светлых или солнечно-рыжих волос. Все они казались ему восхитительными – высокие, стройные, крепкие, с великолепной грудью и округлыми бедрами, с полными яркими губами и синими глазами. У скандинава мелькнула мысль, вот бы ему напоследок на ночь дали пошалить с парочкой таких, тогда и умирать было бы не страшно.

Разве что очень обидно.

Но потом, вспомнив альвийку, он поморщился и решил – нет уж. Не стоит. Вдруг эти тоже владеют какой-нибудь магией. Еще погубят его душу…

Викинга заперли в деревянной пристройке, прилепившейся к стене одного из больших круглых домов. Рук ему не развязали, однако уже через полчаса после того, как дверь изнутри подперли тяжелым поленцем, он сумел ощупать все стены и убедился, что, несмотря на внешнюю хлипкость, пристройка вполне устойчива, и самостоятельно ему отсюда не выбраться.

Там его продержали недолго – только до утра. Утром, не развязывая, отвели в один из домов.

Изнутри дом оказался еще необычнее, чем снаружи. Большую часть пространства занимал общий зал, очаг был устроен в самом центре, и дым столбом поднимался к отверстию в крыше. Пол устилали тростниковые циновки, столешницы были сложены в углу, но козел, на которые их можно было бы положить, Агнар не заметил. Зато он обратил внимание, что по периметру общего зала тянулась целая цепочка ниш, альковов, каждый из которых мог стать отдельной комнатой – достаточно было лишь поставить ширму или закрыть проем покрывалом. Кое-где в этих нишах лежали свернутые постели, аккуратно уложенная одежда, кое-какая утварь. Похоже, именно там местные жители проводили ночи.

В одном из альковов, в том, который был расположен напротив входа, скрестив ноги, сидел давешний седой старик. Перед ним стояло большое серебряное блюдо с мясом и свернутая лепешка; старик степенно завтракал. Молодого мастера подвели к нему, и, развязав руки, оставили. Выйдя, приведшие его мужчины даже прикрыли за собой дверь.

Вокруг царила тишина. Сквозь редкие и узкие окошки, а также через дымовое отверстие в крыше пробивались лучи света, играя на тростниковых циновках. Скандинав с любопытством разглядывал убранство дома. Оно показалось ему скудным, даже грубым – ни гобеленов, ни изящных светцов, даже кованая цепь, которая свисала с матицы потолка, напоминала поделку подмастерья и аккуратностью не отличалась. Или, может быть, ему просто так казалось.

– Опускайся, – медленно, с трудом произнес старик.

– Что? – не понял Агнар. Он посмотрел на старика – тот вертел в пальцах какую-то деревянную вещицу.

– Я что-то не так сказал? Верно… Садись.

– Так мой язык вам известен? – удивился молодой мастер.

– Нет. Этот язык я взял у тебя.

– У меня?

– Из твоей памяти.

Скандинав рефлекторно выставил ладонь, будто рукой пытался защитить свой разум от проникновения извне, чем вызвал лишь снисходительную усмешку патриарха.

– Так ты не сможешь защититься.

– Мне не нравится, когда неизвестно кто шарит в моей голове, – пробормотал викинг.

– Допускаю, – старик был невозмутим. – Бери мясо. И лепешку… С тем, что мое сознание какое-то время пробудет в твоем, тебе придется смириться. Тем более, что противиться ты не можешь, – он внимательно следил за лицом и жестами пленника.

– Что тебе от меня нужно? – разозлился Агнар.

– В первую очередь я хочу знать, кто ты такой. Потом – откуда ты пришел сюда. И зачем.

– В первую очередь вспомни хоть о самой малой вежливости и назови свое имя.

– Ладно. Меня называют Луитех. Я друид этой области. Теперь твоя очередь.

– Мой отец называл меня Агнаром. Остальные зовут меня Кузнецом. Я родом из Согнефьорда, что в Норвегии. Ты знаешь о такой стране?

– Я знаю о народах Северного Пути, должно быть о тех приморских скалах ты и говоришь. Что ты делаешь на нашем острове?

– Сказать по правде, я здесь не по своей воле. Больше всего на свете я хотел бы оказаться дома.

– Я слушаю тебя, – ответил друид не без интереса в голосе. Он все свободнее и свободнее управлялся с оборотами и целыми фразами родного Агнару языка.

– Даже не знаю, с чего начать… Ты знаешь, кто такие альвы?

– Альвы? – удивился Луитех. – А, ши. Сиды…

– Вот с одной из них я и столкнулся.

– У вас что-то было?

– В каком смысле?

– Отношения у вас были?

– Мужчины на подобные темы не говорят.

– Меня не интересуют твои похождения. Но то, какая магия на тебе может лежать, меня интересует. Если у тебя хватило глупости возлечь с одной из ши…

– Я не знал, что она альвийка.

– Надо было знать, – друид окинул собеседника равнодушным взглядом. – Невежество подобных тебе молодых мужчин поражает. Что еще ты делал? Брал из ее рук пищу? Питье?

– И пил, и ел.

– Все ясно. Что ж. Можно сказать, ты сам во всем виноват. Что бы с тобой ни произошло. Впрочем, продолжай. Именно благодаря женщине из народа сидов ты оказался здесь?

– Да, – злясь на весь мир, отозвался Агнар.

– Ясно. Бери мясо, не станешь же ты морить себя голодом.

– Что вы собираетесь делать со мной?

– Думаю, ты не вчера родился, – старик окунул кусок лепешки в натекший из ломтя мяса сок и с удовольствием отправил в рот. – Сам понимаешь.

– Убьете? – хладнокровно поинтересовался молодой мастер.

– Если бы собрались убить, я не стал бы с тобой разговаривать.

– Что же тогда?

– А ты никогда не обращал в рабство захваченного в плен? – полюбопытствовал старик. Скандинав почувствовал в его голосе иронию и подумал – этот человек

просто издевается над ним – и обозлился.

– Вот как? – с притворным спокойствием уточнил он. – В рабство, значит. Очень интересно.

– Рад встретить такое понимание.

Их взгляды скрестились – оба отлично знали, что сказанное не более, чем ирония, колкая и неприятная. А потому обмен взглядами был подобен поединку, и действительно являлся поединком воли старика друида и молодого человека. Впрочем, победителей не оказалось – они отвели глаза одновременно.

– Меня интересует только одно – как ты или твои односельчане собираются заставить меня подчиняться? – спросил Агнар.

– Думаю, в этом нет ничего сложного, – друид поднял ладонь на уровень лба, провел ею – и у молодого мастера поплыло сознание. Совсем слегка – так чувствует себя человек, когда, перегревшись на солнце, входит в тень. Викинг попытался сосредоточиться, однако ему это не удалось. Отчетливое ощущение того, что он находится всецело в чужой власти, было омерзительно. – Ты станешь подчиняться, если желаешь сохранить свою душу. Впрочем, выбор за тобой. Ты можешь стать рабом и делать то, что тебе прикажут, либо же я отдам твой дух на службу Богу-Кузнецу. Думаю, он примет тебя с удовольствием.

Если пленник и побледнел, это осталось незаметным и незамеченным. Ему трудно было сосредоточиться, однако он вынудил себя сделать это и быстро осознал, что его собеседник отнюдь не шутит. Да и о какой шутке может идти речь в подобной ситуации! Агнар не сомневался, что местный жрец – или кто он там, чародей? – вполне способен сделать с ним что угодно, его мощь он уже испытал на себе.

– Я только не понимаю, зачем тебе такой раб, как я.

– Мы найдем тебе применение, – спокойно ответил друид. – Помимо кузнечного ремесла, как я понимаю, ты владеешь еще и воинским искусством, не так ли? Трех человек убил, пока не оказался в плену, а?

– Трех?

– Именно так.

– А для тебя так важно, что я воин?

– Конечно, – старик обстоятельно прожевал кусок и продолжил. – Такой раб, как ты, пожалуй, даже более ценен, чем простой кузнец. Иначе я и разговаривать с тобой не стал бы. С тобой, думаю, разобрались бы мои ученики… И все-таки, тебе следует поесть, иначе ты ослабеешь.

– Тебе нужен воин, и при этом он должен быть совершенно послушен тебе, так? – молодой мастер смотрел на старика в упор.

– Мне нужен хороший воин, – невозмутимо ответил друид.

– Зачем?

– Ты все узнаешь. Со временем.

– А пока чем я буду заниматься?

Старик отер пальцы о край плаща, наброшенного на плечи, и слегка развел руками.

– Чем хочешь. Советую не соваться туда, куда тебе посоветуют не соваться. Далее – не трогать чужое имущество и чужих женщин. И не советую пытаться бежать, если, конечно, ты себе не враг. Поверь, я принял должные меры предосторожности, – друид смотрел на Агнара с легкой насмешкой в глазах, и скандинав почувствовал, что в его душе все закипело. Этот чародей считал своего собеседника не более, чем заносчивым мальчишкой.

Однако ему не следовало показывать своих мыслей. Пусть думает, что убедил.

А в голове медленно формировался план. Так или иначе, прежде чем пускаться в бегство, следовало познакомиться с местными обычаями, чтоб не попасть впросак, и выучить язык. Очевидно, далеко не все местные обитатели будут

разговаривать с ним вот так, как этот друид, используя его же собственную память. «Что явно к лучшему», – добавил он мысленно, едва заметно поеживаясь – его внутреннему взору представились почему-то тонкие и гибкие бледные пальцы, шарящие в его голове, а потом перебирающиеся в грудь, к сердцу.

Старик смотрел на него с равнодушным интересом, будто догадывался, о чем он думает.

Агнар протянул руку и взял с блюда большой ломоть мяса, уже успевший остыть. Нанизав его на кончик длинного и тонкого бронзового ножа, который лежал у блюда, он поднес его к углям в красивой кованой жаровне и подогрел. Когда на угли стали падать капли жира, он снял кусок с ножа и с аппетитом откусил.

Мясо было просто великолепное.

Молодой мастер вернул собеседнику высокомерный, насмешливый взгляд. Свою душевную независимость он не собирался уступать никому, даже самому лучшему чародею.

Селение, куда привели пленника, оказалось довольно большим – целых восемь домов, в каждом из которых обитало по большой семье, состоящей из главы семьи и его взрослых детей, уже самих успевших завести отпрысков, а иногда и внуков. Подобные большие семьи были знакомы Агнару, на родине которого под крышей длинных домов зачастую обитало вместе четыре или пять поколений. Правда, подобное встречалось нечасто, поскольку скудный надел земли не мог прокормить тридцать-пятьдесят человек, повзрослевшим детям приходилось отправляться на поиски своей доли и своей земли.

А здесь, где люди по большей части жили за счет своего скота, да и земля была намного щедрее, целые кланы обитали вместе. Вместе строили дом, вместе воспитывали детей, пряли и ткали на всех и вместе шили одежду. Каждый делал то, что умел делать лучше всего, и в результате всем было легче справляться с хозяйством. Известно, что большая дружная семья выживает легче, чем маленькая.

Попытавшись оценить ситуацию непредвзято, молодой мастер понял, что обитатели этой деревни ему, пожалуй, нравятся. Как ни труден был путь

взаимного понимания, скандинав очень быстро сообразил, что их взгляды на жизнь очень похожи на привитые ему с детства. Продираясь сквозь трудности чужого языка, викинг пытался общаться с местными мужчинами – они отнюдь не чуждались его только потому, что он был рабом. Конечно, во время трапезы его сажали ближе всех к двери, но как раз на это Агнар не обижался. Почетное место нужно заслужить.

Молодой мастер скоро узнал, что этот народ называет себя белгами и понятия не имеет о множестве вещей, которые знает он. Например, о короле Карле Магнусе, о таких городах, как Румаборг, Миклагард, Йорсалаборг.[4 - Рим, Константинополь (Стамбул). Иерусалим.] Удивленный, Агнар перебрал те названия, которые должны были быть знакомы обитателям Британских Островов. Однако и о Лундуне, и о Йорвике, и о Дюпплине[5 - Лондон, Йорк, Дублин.] они ничего не знали.

При этом вскоре скандинав убедился, что находится именно на Британских Островах – и природа, и окрестности, и даже море, на которое он как-то взглянул краем глаза. Берег залива, как оказалось, находился не так уж далеко, и вместе с другими мужчинами селения викинг смог побывать там; правда, дальше опушки леса ею не пустили. О дальнейшем приходилось лишь догадываться. До поры да времени он решил не ломать себе над этим голову.

На берегу работали свободные мужчины селения – они выворачивали из песка огромные бревна, принесенные волнами – а викинг вместе с женщинами помогал стаскивать их в одну кучу и потом частями переносить в селение, где чуть позже вызывался нарубить дров для очага. Привычная работа ему нравилась, желания отказаться от нее во имя одного только упрямства не возникало – понятно, вовсе без работы здоровому мужику скоро станет до смерти тоскливо. Он отлично умел и любил колоть дрова, и когда ранним утром выходил из дому обнаженный по пояс, легкомысленно и задиристо помахивая топором, на него заглядывались девушки, как раз в это время выходившие доить коров.

Младшая дочь хозяина дома, высоченного крепыша с кустистыми седыми бровями, частенько устраивалась поблизости от пленника, посматривала с любопытством. Именно с ней Агнар быстрее всего нашел общий язык.

– Хороший у твоего отца скот, – сказал он ей, когда было расколото последнее полешко и хворост нарублен так, чтоб удобно было класть в очаг.

Девушка зарумянилась. Она была довольно высокая, стройная и гибкая, с длинными, до колен, русыми косами и белой кожей и легко запивалась румянцем.

– Да, хороший. Мой отец богат. – сказала она. – Как, впрочем, и весь наш род.

– Ну да, – сообразил Агнар. – Вы же все здесь родственники. В этом селении, да?

– Все белги между собой в родстве. А здесь, на Островах, мы все очень близкие родичи – не далее, чем в четвертом колене. Белгов на Островах пока живет немного. Наше племя пришло сюда с материка.

– Понимаю, понимаю, – он поднял топор и заткнул его за пояс. – И много у тебя сестер – братьев?

– Много. Пять братьев и шесть сестер. И мама снова скоро родит.

– Честь и хвала твоему отцу, – пошутил молодой мастер. – Кстати – это он теперь мой хозяин? Что-то никто мне об этом не сказал.

– Если тебе никто не сказал, чего от тебя ждут, то и мне, наверное, надо молчать, – она опять зарделась. – Но мой отец тебе не хозяин. Если не понравится жить у нас, можешь поселиться в любом другом доме, тебя с радостью примут.

– Вот как? Отчего же это? Потому что хорошо рублю дрова?

– Нет. Потому что ты принадлежишь святилищу и, значит, богам. Невольник богов поневоле будет пользоваться уважением. Тем более, если он – воин.

И девушка с удовольствием посмотрела на его обнаженный торс.

– А что ты имеешь в виду под невольником богов? – насторожился Агнар. Ему припомнилась угроза старика-друида.

– Только то. что сделанное тобой будет посвящено богам.

– То есть меня заставят ковать жертвенные предметы? Или… что?

– Я не могу тебе ответить, – она замотала головой. – Если Луитех не счел нужным объяснить тебе, то…

– Я понял, понял – то и тебе не следует этого делать.

– Только вряд ли тебя заставят ковать… А ты хорошо куешь?

– Неплохо. Для своих соотечественников – неплохо, – ответил он в задумчивости: мысли его гуляли за тридевять земель от вопросов собственного ремесла.

– Кузнечное искусство очень почетно. Как и воинское. Впрочем, что я говорю – всем мужчинам следует быть воинами, это понятно. Но кузнецами могут быть далеко не все.

– Это верно.

– Ты… Может быть, ты… – она смутилась, и это он заметил даже при том, что вполне серьезно обдумывал очередной довольно бредовый план побега. – Скоро праздник, будет угощение, а потом танцы. Не хочешь ли быть там со мной?

– Хочу, конечно, – согласился он раньше, чем успел оценить, насколько шалость с дочкой хозяина дома может стать для него опасной. Местные нравы он знал еще очень плохо, неизвестно, чем может ему грозить близкое знакомство с девицей. На его родине, к примеру, за интерес к девушке – интерес, который, скажем, сильно не понравился бы отцу красотки – легко можно было заплатить жизнью.

Она, однако, не собиралась смущаться или пугать его – приятно заалелась и чуть придвинулась к мужчине, будто танцевать предстояло прямо сейчас. Через плечо девицы Агнар заметил, что из дома вышел ее отец, и в голове мелькнула непрошеная мысль: «А готов ли я жениться на ней, если вдруг что?» Викинг окинул ее оценивающим взглядом и, хотя осмотр дал явно удовлетворительные результаты, решил сам для себя – нет, не готов. Рановато жениться, будь она хоть первой красавицей Островов, самой родовитой и самой богатой. Молодой мастер приготовился к яростному отпору.

Черноволосый крепкий мужик с кустистыми седыми бровями скользнул по парочке взглядом, чуть поморщился и ушел.

– У вас тоже справляют праздник цветения, Бель-тан? – спросила девушка, которая появления сурового отца, конечно, не заметила, ибо стояла спиной к нему. Название праздника она произнесла на свой лад, видимо, так, как было принято у ее народа.

– Справляют, – ответил он. – Только у нас этот праздник называется Майским днем.

– И у вас тоже гуляют и танцуют всю ночь напролет?

– Нихасса, у тебя еще много работы! – окликнула еще довольно молодая, но уже увядающая женщина, видимо, мать девушки, младшая из двух жен хозяина дома. Она ходила медленно и осторожно, должно быть, из-за беременности, почти не работала, и оттого двойной груз обязанностей ложился на ее взрослую дочь.

Девушка заторопилась, отвернулась и убежала. Агнар проводил ее задумчивым взглядом и подумал, что близкое знакомство с ней, – раз уж ее отец спокойно его воспринял, значит, не против, – может стать не только приятным, но и полезным. Белгская красотка способна растолковать ему все насчет традиций и обычаев, научить языку. Главное, чтоб потом не вынудили строить с нею дом.

Далеко от селения отходить ему не позволяли, но однажды, вырвавшись из-под надзора, он все-таки решился попробовать – правду ли сказал друид, или просто пугал. Слова старика звучали убедительно, но молодой мастер самого себя перестал бы уважать, если бы все-таки не проверил. Глупо сидеть, будто привязанный, только потому, что его кто-то застращал. Викинг полагал, что его будут постоянно держать под надзором, однако за ним присматривали довольно лениво. Что еще могло бы удержать его здесь, если не бдительность обитателей деревни, он не знал.

Обогнув малинник, скандинав поднялся к опушке и вошел под своды старого леса. Здесь росло множество старых деревьев, когда-то стройных, а теперь постепенно становившихся узловатыми от старости. Скандинав уже знал, что местные жители не решаются срубить ни одного деревца без позволения

друидов. Каков принцип, по которому друиды выбирали неприкосновенное дерево, никто, кроме них, не знал.

В лесу было хорошо – прохладно, слегка пахло хвоей и влажной землей. Он присел на мох, попытался почувствовать, не происходит ли с ним чего-нибудь странного, не действует ли какая-нибудь таинственная магия. Ничего вроде бы не происходило. Поэтому Агнар встал и медленно пошел в глубь леса.

Позже он порадовался, что шел медленно. Горло внезапно перехватило, будто кто-то ловкий накинул ему на шею шелковый шнурок и тут же затянул, в глазах потемнело, дышать стало невозможно. Он упал на спину, пополз прямо на спине, и через пару мгновений ему уже полегчало. Перевернувшись на живот, он ждал, пока прояснится зрение, и думал, если бы он шагнул немного дальше, вернуться обратно уже не успел бы – потерял бы сознание.

Викинг ощупал шею – никаких признаков шнурка. Он попытался припомнить, как это произошло, но не смог. Ощущение возникло мгновенно, и дыхание сразу пресеклось, а в этом состоянии мало кто смог бы контролировать происходящее вокруг и вдумываться в творящуюся вокруг магию.

Немного придя в себя, он вернулся и попробовал войти в лес в другом месте, уже не по тропинке, а напролом. Ступал он еще медленнее, но ощущение затягивающейся удавки снова настигло его внезапно. К счастью, падения назад, на спину, оказалось вполне достаточно, чтоб избавиться от последствий неприятных чар. Пробовать в третий раз он не стал, понимая, что в конце концов очередной эксперимент может закончиться для него очень печально.

Присев на кочку на опушке леса – там, где никто не мог на него ненароком наткнуться – скандинав спрятал лицо в ладони и задумался. В душе нарастала волна ярости, хотелось найти друида, приковавшего его своими чарами к сельцу, и разобраться с ним по-мужски.

Но, во-первых, добраться до него он не сможет по причине все тех же чар, а во-вторых, даже добравшись – что он сможет сделать? Агнар прекрасно понимал, что с чародеем ему не тягаться. А значит, надо либо смириться, либо, не торопясь, искать выход из сложившейся нелегкой ситуации. Рано или поздно заклинание даст сбой, или он сам найдет способ обойти его. Должен же существовать выход! «Главное, чтоб на его поиск хватило жизни», – подумал

молодой мастер.

Надо было держать себя в руках – настоящий мужчина никогда никому не даст заглянуть себе в душу и не позволит понять, насколько ему тяжело. Так или иначе, но в условиях новой жизни надо было устраиваться, причем с должным почтением к самому себе. Недостойно показывать всем, что его раздавили и лишили мужества. Лучше всего найти себе применение и показать все, на что ты способен. Чтоб ценили и уважали.

И викинг решил заняться своим любимым ремеслом – ковкой.

Кузница была расположена на отшибе, как и в Нейстрии, на берегу реки. Правда, кузницей этот навес над большой печью из камней, скрепленных глиной, назвать можно было лишь с натяжкой – ничего похожего на строение здесь не имелось. В первый раз скандинав не заметил там даже мехов. Походив кругами, он с удовольствием побеседовал с сельским кузнецом и, само собой, заинтересовался. Многое, конечно, было ему знакомо. Железо здесь добывали на ближайшем болоте, потом обжигали самым примитивным образом, плавили в угольных ямах, и знать не знали о тех способах подготовки кричного железа, которым Агнара учил дядя. Казалось бы, при обработке металла белги также должны были встречать уйму проблем.

Однако все оказалось иначе. Местный кузнец удивил собеседника тем, что будто бы и вовсе не знал о тех трудностях, с которыми встречается мастер, выплавляя железо из руды, а потом изготавливая годный к ковке слиток. Казалось бы, плавить руду в яме намного сложнее, чем в специально сложенной для этой цели печи-домне, однако о том, что можно упустить температуру и таким образом запросто загубить железо, мастер будто бы и не слышал.

– Ладонь подношу к кирпичу на своде – и сразу чувствую, пора, или надо еще мехами поработать, – пожав плечами, ответил кузнец. – Разве это сложно?

– Давно ты в ремесле? – поинтересовался викинг, почувствовав в собеседнике более опытного собрата – при всем своем умении он никогда не мог уверенно сказать, что при превращении руды в металл не сделает ни одной ошибки.

– Давно, уж лет семьдесят.

Агнар с недоумением посмотрел на крепкого мужика без единой седой пряди в волосах, с короткой опаленной бородой. Больше, чем на полсотни лет, этот человек никак не тянул.

– Семьдесят?

– Семьдесят.

– А сколько тебе?

Покрытое пятнами въевшейся копоти лицо кузнеца сморщилось в улыбке.

– Много.

– Но не восемьдесят же!

– Может быть, и больше.

Викинг недоверчиво рассматривал его несколько мгновений, потом хмыкнул без особой уверенности.

– Шутишь? Ты же еще совсем молодой!

– Какие тут шутки со своим возрастом.

Переспрашивать скандинав не стал, решив, что он просто чего-то не понимает в жизни обитателей этого селения.

Они перевели разговор на более понятные и близкие мастерам-ковалям темы. Агнар многое мог рассказать местному мастеру о том, как изготавливать сталь, как ковать самое лучшее оружие – а вот по части изысканных поделок белг запросто дал бы своему собеседнику огромную фору. Любуясь фибулами, пряжками, гривнами и браслетами, викинг почувствовал, будто что-то упустил в своей жизни. В нем взыграла ревность мастера, который хоть и понимает, что в своем деле не может быть лучше всех на свете, однако все-таки неосознанно стремится к лучшему.

– Покажи мне формы, в которых ты все это отливаешь, – попросил он, оглядываясь. Под навесом, хоть возле печи, хоть где-то еще, не было места для форм. Как, впрочем, и для инструментов.

– А эти вещицы я делаю не здесь, – ответил кузнец, заметив ищущий взгляд собеседника. – Есть еще одна кузня, маленькая. В селе.

– В селе?

– Да. Там я работаю только зимой, когда времени побольше. Летом только и остается, что править рабочий инструмент, что-то чинить. Да и в поле, бывает, надо помочь. Да еще руду готовить – зимой труднее, – викинг покивал в знак того, что понимает. Железо из руды вываривали только летом, потому что зимой холода зачастую мешали правильно оценить смену температур в угольной яме. – Это все работа грубая, в открытой кузне ее хорошо исполнять – и удобно, и просторно. И не жарко. Ветерком обдувает.

– А зимой, значит, работаешь в селе?

– Именно так.

– Пожара не боитесь?

– Кузня же не деревянная. Из камня сложили. Со знанием дела.

– Ты говоришь о той маленькой пристройке к дому Блаи?

– Да. Блаи – мой отец. Мне очень удобно. Зимой я тружусь у самого дома, – кузнец улыбнулся. – Тут и стол, тут и постель.

– Там тесновато… Где же в придомовой кузнице устроить меха?

– У меня нет мехов. Я знаю, они часто используются в западных землях, где много болот и мало холмов. Но здесь они мне не нужны.

– Как же ты обходишься?

– Все просто, – кузнец, казалось, был готов все показать и рассказать новому знакомцу. – Здесь, на берегу, мне помогает самая простая хитрость. Ветер всегда идет с реки, и сильный. Дует с воды вверх по холму. А я просто снимаю заслонку с печи, и ветер раздувает мне огонь лучше любого помощника с мехами. Только надо выбрать правильную погоду. Конечно, и в безветренный день здесь поддувает. Но намного слабее.

– А в селе? Как ты обходишься в закрытой кузне? – Интерес Агнара еще больше вырос. А кузнец молчал, о чем-то раздумывая. – Это тайна твоего народа? – догадался викинг. – Ты не можешь открыть ее мне – чужаку?

– Да какой же ты теперь чужак! – отмахнулся белг. – Теперь ты вполне свой. Я все могу тебе рассказать, – намек на нынешнее положение пленника был прозрачен, но, охваченный любопытством, скандинав даже не поежился. – Помнишь, совсем рядом с домом колодец?

– Ну, да.

– И он укреплен изнутри, чтоб не заплывал песком, не осыпался. Почти у самой воды – ее уровень практически неизменен – небольшой узкий ход. Его в свое время обмазали глиной. Он подходит прямо ко дну горна. Стоит развести в горне огонь, и туда сразу потоком устремляется холодный воздух. Чем жарче пламя, тем сильнее поддувает. Иной раз раскочегаривает до того, что приходится обливаться водой с головы до ног, закрывать зев горна на то время, пока заготовка находится внутри, и волосы опаляет, даже когда стоишь у наковальни. Зато раскалить даже самый лучший металл ничего не стоит.

– Тролль тебя раздери! – в изумлении воскликнул Агнар. – Неужто так?

– Именно так.

– Хотелось бы на это посмотреть.

– Отчего же нет! И поработаем, если захочешь. Сразу же после праздника, в любой день. По праздникам я не работаю.

К празднику Майского дня селяне готовились с увлечением – проветривали и чистили праздничные одеяния, до блеска полировали украшения. А викинг, наблюдая за всей этой суетой и вспоминая все, что торговцы, родившиеся и выросшие в Британии, в свое время рассказывали ему об Островах, понял – ему не встретиться с ребятами, вместе с которыми он покинул Нейстрию. Ибо это была какая-то другая Британия, не та, в которую направлялся торговый кнорр.

А потом, рассмотрев поближе узоры на богато расшитых мужских рубахах и туниках, – женщины возились с нарядами в одном из альковов, за задернутым покрывалом, а потом выносили одежду своих мужчин во двор, чтобы хорошенько высушить на солнышке, проветрить, – молодой мастер вспомнил, что ему рассказывали о подобных изделиях. Купец-валлиец показывал ему старый пояс с такой же вышивкой и болтал, будто их некогда делали женщины древнего народа, населявшего Острова, да и материк тоже. И было это в незапамятные времена.

«Куда же ты меня отправил, альвийский чародей? – Агнар сдавил голову руками. – В прошлое… Ты отправил меня в далекое прошлое… Какая изысканная шутка… Старый бессмертный мерзавец. Дай только до тебя добраться…»

Есть ли какая-то возможность еще раз в своей жизни приблизиться к альву-чародею хоть на шаг, викинг предпочитал не думать.

Вечером накануне празднования к Агнару подошла Нихасса и протянула синий сверток.

– Возьми, – сказала она, таинственно заглядывая ему в глаза. Правда, он и сам понял, что в подобном подарке есть что-то особенное.

Он развернул сверток – это оказалась богато вышитая рубашка. Конечно, узоры, покрывающие ее, взывали совсем к другим богам, нежели те, к которым привык скандинав, но это не могло обескуражить мужчину. Он давно привык, что, по сути, разные народы просто-напросто по-разному зовут одних и тех же богов, а также иной раз очень странно и превратно понимают их требования, обращенные к своим последователям. Но это никак не вина богов – только людей.

А боги белгов, если судить о них по людям племени, любому викингу окажутся по вкусу – разумные и воинственные.

Рубашка была сшита из довольно тонкого льна, окрашенного в синий цвет, плечи, рукава и подол украшал черно-желтый затейливый узор. Она выглядела очень нарядно – любому селянину не стыдно было бы появиться на празднике в таком наряде. Молодой мастер несколько минут рассматривал узор. Эту рубашку наверняка еще никто никогда не надевал. Единственное объяснение – девушка взяла обновку из своего сундука с приданым, а шила ее не иначе, как будущему мужу.

– Что тебе сказал отец? – спросил Агнар. Они стояли за домом, там, где викинг рубил хворост для очага. Их никто не видел, и, может быть, оттого Нихасса вела себя намного увереннее. Видя, как у нее блестят глаза, мужчина понимал – утащить ее на сеновал было бы не так уж трудно.

– Ничего, – улыбнулась она.

– Совсем ничего?

– Ну… Ничего такого, о чем следовало бы говорить.

Он поймал ее за локоть и слегка сжал, следя за тем, чтоб не причинить боли.

– Я хочу поговорить с тобой об этом. Он разрешил тебе встречаться со мной?

– Да, он…

– Он же не так сказал, верно? Что именно он сказал?

– Почему ты обеспокоен его словами? – недовольная и немного испуганная, она попыталась освободиться. Мужчина не позволил. – Он не возражает, чтобы ты был рядом со мной.

– Я желаю понять, чего он ожидает от меня.

– Да ничего особенного, – она попыталась его успокоить. – Поверь. Он сказал мне, что я могу быть с тобой на празднике, да и позже – тоже.

– Он разрешил тебе проводить со мной время?

– Да.

– А ребенок? Если вдруг ты принесешь в его дом ребенка от меня?

– Но что же в этом плохого? – искренне удивилась девушка. – Ребенок от воина, от кузнеца, от сильного мужчины. Почему мой отец должен этого не хотеть?

– Значит, ему нужно, чтоб ты родила от меня? Разве я – племенной бык? А может ты – стельная корова?

Сравнение с коровой Нихассу явно не задело. Она на него, кажется, даже не обратила внимания.

– Но что же плохого в том, чтобы родить? Я знаю, ты не можешь жить со мной одним домом, – в глазах у девушки появилась обида. – Ты – невольник божества, и, скорее всего, скоро погибнешь во время одного из обрядов, но разве не лучше продолжить себя в ребенке?

Он хотел ответить, но прочел в ее взгляде искреннюю приязнь и передумал. Возможно, в этом она и видела смысл его существования – дать жизнь новому человеку и с честью умереть. Говорить, что он сам предпочитает погибнуть попозже, выполнив не только это предназначение, а с десяток таких, Агнар не стал. Во-первых, не считал нужным переубеждать ее, – пусть верит во что хочет, – а во-вторых, немного жалел.

И, кстати, теперь стало понятно, что в будущем его ждет участие в каком-то местном обряде, которое может закончиться для него гибелью.

Он не стал возвращать подарок, и девушка успокоилась. Они разошлись довольные друг другом – она тем, что заполучила на праздник такого видного и красивого спутника, а он тем, что разузнал от нее кое-что и заодно обеспечил себе хоть какое-то развлечение. Почему бы не провести время с девушкой, если

та не против, и подобного рода шалости не грозят бедой?

Закончив рубить хворост и потом сидя за общим столом, он все думал, думал… О том, что с ним обращаются несколько иначе, чем с другими рабами, он уже догадался. В селении оказалось всего три раба, да еще три рабыни, все они были представителями какого-то другого племени, не белги – невысокие, смуглые, черноволосые и очень молчаливые. Селяне относились к ним снисходительно, но так же, как и викинга, сажали с собой за стол, кормили той же едой, которую готовили для себя. Правда, им не предоставляли возможность выбирать работу на свой вкус, – они трудились от рассвета до заката наравне с хозяевами.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Так викинги называли Лондон.

2

Саксонская область Лондона.

3

По нравам IX века для женщины выйти из лома в одной тонкой рубашке – все равно, что выйти голой.

4

Рим, Константинополь (Стамбул). Иерусалим.

5

Лондон, Йорк, Дублин.

Купить: https://tellnovel.com/ru/koval-chuk_igor/severyanin

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить